

ХОСЕ А. БОНИЛЛА

18+

ЦВЕТЫ
ПЕРСЕФОНЫ

Фэнтези. Валькирия

Хосе А. Бонилла

Цветы Персефоны

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44

Бонилла Х.

Цветы Персефоны / Х. Бонилла — «Издательство АСТ»,
2021 — (Фэнтези. Валькирия)

ISBN 978-5-17-146598-8

А теперь существа, которые встречаются, наверное, только в древних трактатах по мифологии, перешагнули в реальность и стали осязаемыми. Возможно, это связано с реликвией, которую Андрес Коста, известный археолог, отправил своему племяннику Алексу, прежде чем на него напало одно из этих существ... Как бы то ни было, мальчика начали мучить странные видения, в которых появляется афинский Акрополь, хулиганы из института преследуют его, а таинственный профессор прибыл в центр, чтобы читать лекции по мифологии. Кроме того, молодая французская исследовательница пытается убедить парня в том, что кто-то убил участников раскопок, которыми руководил ее отец и в которых участвовал его дядя. Когда весь мир Алекса начнет рушиться, он поймет, что находится в эпицентре древней войны, которая вот-вот нарушит хрупкое равновесие между Геей и Мифосом.

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-146598-8

© Бонилла Х., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предыстория	7
Dracopileo chimaera[2]	8
Часть I	20
Видения	21
Волк	28
Новый учитель	32
Подарок от дяди Андреса	35
Кварцевые цветы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Хосе А. Бонилла

Цветы Персефоны

José A. Bonilla

Las flores de Perséfone

Copyright © José A. Bonilla

© Original Cover design by Valhalla Ediciones S.L

© Сычев Р., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

Русификация обложки Екатерины Климовой

* * *

Эта книга – художественное произведение. Любое сходство с реальностью – не более чем совпадение. Все персонажи, имена, события, организации и диалоги вымышлены либо помещаются в вымышленные обстоятельства.

Анне Марии, потому что я перед ней в долгу.

Реальность такова, что даже если перестаешь в нее верить, она продолжает существовать и не исчезает.

Филипп Кинред Дик

Когда боги хотят уничтожить человека, они сначала сводят его с ума.

Еврипид Саламинский

Руки к прекрасной утехе
в восторге она протянула
И уж сорвать собиралась,
как вдруг раскололась широко
Почва Нисийской равнины,
и прянул на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка,
сын Кроноса многоименный.
Деву насильно схватив,
он ее в золотой колеснице
Быстро помчал. Завопила
пронзительным голосом дева,
Милого клича отца,
высочайшего Зевса-Кронида.
Но не услышал призыва ее
ни один из бессмертных,
И ни один из людей,
ни одна из подруг пышноруких.

Гимн Гомера Деметре¹

¹ Перевод В. Вересаева.

Ты показал мне, как любовь, подобная нашей, может превратить даже самое мрачное и холодное царство в самый счастливый из домов.

Никита Гилл

Персефона Аиду

Предыстория

Dracoprileo chimaera²

Следующим был Андрес Коста.

Сердце все еще гулко стучало в груди, но сомнений не было: он последний из группы, а значит – мертвец.

Он все время спрашивал себя, какого черта им понадобилось открывать эту реликвию. Андрес помнил, как старался изо всех сил, чтобы его друг, доктор Берг Уитакер, следовал обычному протоколу археологических находок, научному методу, основам археометрии³. Однако в тот роковой день, в приступе непонятной лихорадки, Берг забыл о науке. Он прыгнул в вырытую в земле яму, голыми руками вытащил небольшой ящик, вырвав его из глиняной стены. И навлек на всех ужасное проклятие. Это единственное объяснение того хаоса и несчастий, которые постигли участников раскопок, начатых пару лет назад в холмах близ древнего города Фивы.

Теперь Уитакер навечно упокоился в двух метрах под землей. Врачи в Нью-Йорке диагностировали у него редкую кожную инфекцию. Через три недели его организм перестал бороться с болезнью, покрылся гнойными пустулами⁴, которые, в конце концов, разрушили его нервную систему. «Вирус неизвестного происхождения», – заключили специалисты.

Для Андреса Косты это был еще один признак того, что с вырванным из земли богато украшенным ящиком с более чем двухтысячелетней историей пробудилась некая могущественная сила. Члены экспедиции один за другим погибали каждый своим ужасным и загадочным способом.

После смерти Пабло Каусареса, известного физика, отвечавшего за технологическое оснащение на объекте «Фивы» – рентген, эхолотаторы и подобные приборы, – остался только он. И, как ни странно, он был рад этому.

Первые смерти казались ему роковыми совпадениями, побочным следствием тяжелой, опасной работы, которая заставляла их выживать в экстремальных условиях. Рациональный ум ученого не позволял ему видеть дальше объективной реальности. Однако число жертв не переставало расти: ужасное самоубийство; автомобильная авария на прямом километровой участке с отличной видимостью; стекло, необъяснимым образом сорвавшееся с креплений крана... Все эти ужасные смерти, наконец, заполнили весь его разум, опустошив тело и душу. Он начал терять вес, некогда было есть. Главное – быть начеку, бодрствовать, реагировать на любой сигнал, который хоть как-то намекал, что его жизнь в опасности. Нервозность пожирала его, вызывая раздражающую бессонницу и плохое настроение. Те, кто знал его, думали, что он потерял рассудок.

Но это было не так. Его чувства обострились до предела. Единственной целью стало сохранить жизнь. Обо всем, что не служило этой цели, он забыл.

Так проходили многие дни и месяцы. Он все меньше становился похож на себя прежнего. В глазах затаилось безумие. Единственный смысл существования свелся к преодолению неизвестного проклятия, постигшего его друзей, и к сводящей с ума неопределенности, кто же следующий в этом убийственном списке.

И когда он и так уже был погружен во тьму, бывший коллега сообщил ему по телефону о смерти Пабло Каусареса. После месяцев отчаяния, которые опустили его на самое дно бесконечной ямы, в его голове будто щелкнул потайной тумблер. Положив трубку, он принял душ,

² Химера (*лат.*).

³ Научная дисциплина, раздел археологии, определяющая возраст и происхождение археологических объектов физико-химическими методами.

⁴ Гнойничок; пузырек с гнойным содержимым.

побрисся, постригся, сходил в любимый ресторан, вкусно поел и принялся за написание статьи для *British Archaeological Reports*, которую, практически случайно, Британский музей предложил ему написать на следующий день после его *возрождения* как личности.

И теперь он мог с восторгом смотреть на красоту сказочного *диноса*⁵, разрисованного Софилосом и изображающего брак Пелея и Фетиды. Этому керамическому сосуду было больше двух тысяч лет! С величайшей деликатностью он поместил его в стеклянную урну, стоявшую на верстаке, и снял латексные перчатки.

Холодное, тесное помещение, в котором он находился, служило реставрационной комнатой и было одним из многих мест в подвалах музея, доступ в которые запрещен как для посторонних, так и для некоторых служащих. Лампа мерцала, заставляя тени плясать на стенах. Большие красные цифровые часы на стене отсчитали еще одну минуту, показывая теперь восемь часов вечера. Он понял, что голоден. Опустил взгляд на левую руку, но часов на ней не было. Он перестал их носить несколько недель назад, не хотел оставаться во власти времени. Часы напоминали о приближающемся неминуемом конце. Но рефлекс постоянно проверять время еще надежно сидел в мозгу. Несмотря на депрессивные мысли, желудок, гораздо более приземленный, продолжал свой бунт. За последние несколько дней он даже набрал пару килограммов, которых его лишили переживания. И намеревался и дальше восстанавливать свой обычный облик. Он провел рукой по зарождающемуся изгибу, видневшемуся под рубашкой. Похоже, ему удавалось. Поэтому он решил посетить Уолтера Бригмана, владельца скромного ресторана на Нортумберленд-авеню, недалеко от Национальной галереи и Трафальгарской площади, где подавали вкусный ростбиф с жареным картофелем, соусом из редиса и йоркширским пудингом, которые, как он надеялся, вполне удовлетворят его аппетит. Слюнки потекли, когда он представил ожидавший его фантастический взрыв вкуса.

Он покинул кабинет и пошел по ветхому узкому коридору с пронумерованными дверями, пока не добрался до современного лифта, который доставил его на главный этаж.

Посетителей в музее уже не осталось. Тускло освещенные комнаты были поглощены тенями, которые ползли по полу и стенам в поисках укрытия. Внутри здания находилось, вероятно, не более пяти-шести исследователей, которые вскоре покинут – некоторые из них с большой неохотой – эти сводчатые потолки из мрамора и обожженной глины восемнадцатого века.

Он был одним из них.

Для Андреа Косты Британский музей был вторым домом.

Когда в возрасте двадцати трех лет он получил международную стипендию, позволившую ему закончить докторскую диссертацию о роли лорда Элгина в исследовании Древней Греции, музей навсегда завладел его сердцем. Диссертация принесла ему степень *cum laude*⁶ и вражду с несколькими непокорными британскими археологами старой школы. А еще единодушное признание международного научного сообщества за смелость в споре со старейшим музеем мира. С этого момента его жизнь стала вращаться вокруг Британии. Она превратилась в сплошные экспедиции, археологические раскопки и написание статей. Именно поэтому он решил взяться за свое нынешнее задание – исследование мифов о Троянской войне на основе текстов и рисунков на сосудах с надписями *dinos* и керамических кувшинах *pelike*, которые были частью коллекции музея. Он был в восторге от возможности подержать в руках настоящие кусочки истории. Это оставалось его мечтой с самого детства. Единственным утешением для Андреа Косты перед смертью было осознание того, что он достиг этой цели.

Шаги гулко звучали в огромных залах, посвященных его любимой Древней Греции. Да, разумеется, его притягивал Розеттский камень⁷, гордо выставленный за бронированной стек-

⁵ В археологии это крупный сосуд с полукруглым туловом, металлический или керамический.

⁶ С почетом (*лат.*). Высший уровень отличия при получении академической степени.

⁷ Стела из гранодиорита, найденная в 1799 г. в Египте.

лянной витриной недалеко от входа в музей, и тайна, окружающая Портлендскую вазу⁸, и невероятное очарование помещения, посвященного египетским мумиям. Но именно в залах Древней Греции он соединялся с тем, что породило сегодняшнюю цивилизацию, со всеми ее достоинствами и недостатками, великолепием и упадком, к которой мы все, так или иначе, принадлежим. Истоки всего.

Внезапно дрожь пробежала по телу. Ему показалось, что какая-то тень выскользнула из своего тайного укрытия и стремительно скользнула по стене справа от него. Тень, которой не должно тут быть. Он пытался сглотнуть, но рот превратился в пустыню, язык распух. Ускорив шаг, он с опаской озирался по сторонам. На мгновение скульптуры, которыми он множество раз любовался, показались ему зловещими и вызывали тревогу... Сердце выпрыгивало из груди, его биение отдавалось в сонной артерии тупым пульсирующим призывом. Показалось, что он услышал шаги. За ним следят? Он опасливо огляделся. Никого не было, только мрак. Лишь те крохи мужества, которые у него остались, не позволили ему броситься к выходу...

К черту мужество!

Он перешел на бег. Через десять или двенадцать метров, задыхаясь, он обогнул угол и врезался в огромную человеческую фигуру. Андрес подавил крик и через полсекунды пожалел о своей стремительности.

– Вы в порядке, доктор Коста? – спросил по-английски густой голос с ливерпульским акцентом, который показался археологу вестником спасения.

– Ну... Добрый вечер, Алан. – Исследователь попытался вернуть самообладание, что ему удалось после нескольких покашливаний. Он натянуто улыбнулся.

– Что-то случилось? – спросил человек, нахмурившись, прищурился маленькие черные живые глаза. Мужчину, одетого в форму охранника, звали Алан Дрейк, он ночной сторож музея. Андрес знал его и иногда обменивался с ним случайными бессодержательными фразами, чтобы скрасить часы монотонной работы.

– Нет, нет, я... я в порядке. Просто показалось... Не обращайтесь внимания, последние несколько дней я был на взводе. – И это было чистой правдой.

– Увидели что-то необычное, профессор? – спросил охранник, словно не слыша его, оглядываясь вокруг себя прищуренными глазами, выискивая в музейном мраке малейшие зацепки. Меньше всего ему хотелось, чтобы покой музея был нарушен именно в эту ночь. Сегодня игра в английской лиге, и его команда, «Манчестер», лидировала в турнирной таблице. Он не собирался пропускать матч. И никакая двухтысячелетняя мраморная статуя не могла его остановить.

– Уверен, это просто игра воображения, не волнуйтесь. – Андрес Коста вытер пот со лба носовым платком.

– Я все тут осмотрю. Знаете, лучше перестраховаться. Хотите, вызову вам такси? Сейчас не очень приятная погода.

– Нет, спасибо, в этом нет необходимости. Я бы хотел прогуляться.

Огромный охранник, который мог бы быть моделью для скульптуры какого-нибудь греческого бога, на мгновение нахмурился, но, в конце концов, расслабился и пожал плечами.

– Как пожелаете. – Приятная улыбка заиграла на губах охранника, когда он выводил профессора из музея. Ученый открыл боковую дверь, примыкающую к основной, и поток ледяного воздуха восстановил его жизненную энергию.

– Большое спасибо, Алан.

– У вас есть пропуск для внешних ворот, профессор? – спросил он.

– Вот он, – сказал Андрес, довольно демонстрируя карточку.

⁸ Выдающееся произведение античного искусства августовского, или римского, классицизма. Двуручный сосуд типа амфоры 25 см в высоту и 17,7 см в диаметре.

– Хорошо. Берегите себя, и спокойной ночи.

– Доброй ночи. – Он зашагал, его ботинки проваливались в гравий дорожки, ведущей к воротам. Прежде чем охранник закрыл ворота, он обернулся.

– Надеюсь, твоя команда сегодня выиграет.

Алан улыбнулся в ответ и исчез внутри музея.

Ворота, ограждающие архитектурный комплекс зданий, со скрипом закрылись, Андрес Коста встал перед ними, глядя на классический греческий портик на фоне неба, освещенного почти полной луной. Даже в темноте ночи скрытая история, которую можно было угадать внутри, не переставала впечатлять.

Очередной порыв ветра взметнул сухие листья, скопившиеся за день у кованой решетки.

Андрес поднял воротник пальто, прикрыл им шею и засунул руки в карманы, направляясь к Трафальгарской площади.

Он и представить себе не мог, что эта его прогулка станет последней.

Охранник был прав. Ночь оказалась далеко не спокойной. С севера настойчиво дул холодный, сырой ветер, шелестя листьями деревьев, которые стояли по бокам музея, как потревоженные солдаты у ворот. Последние приметы зимы потихоньку исчезали, настороженно ожидая прихода весны.

Профессор Коста решил срезать путь по Блумсбери-стрит, оставив позади восточный фасад Британского музея, и спустился к Трафальгарской площади через Сохо. Повернул направо на Нью-Оксфорд-стрит и направился к Национальной галерее по Чаринг-Кросс-роуд, где рассматривал витрины прекрасных книжных магазинов, коих тут, на радость книголюбам, было множество.

Обогнал несколько компаний, направлявшихся на Шафтсбери-авеню, видимо, они шли на какой-нибудь спектакль: «Отверженные»? «Мышеловка»? «Король-лев»? «Призрак Оперы»? Все варианты хороши для приятного вечера. Как давно он не был в театре? Или в кино? Андрес не мог вспомнить. Он был одинок, и осознание этого наполнило его сожалением и грустью. Он так и не оправился после развода. С тех пор прошло пять горьких лет, прерываемых лишь мимолетными бессмысленными отношениями, которые ненадолго скрашивали его серое существование. Но не более того. Что у него было? Сорок шесть лет, квартира в Уайтхолле, толстый ленивый кот, который часами мурлыкал у камина, и «Астон Мартин», дремлющий в гараже, потому что невозможно проехать по *городу* больше пяти минут, не застряв в пробке. Да, конечно, у него имелись семья в Испании и школьные друзья, которых трудно было бы узнать после более чем десятилетней разлуки. Вся его жизнь – это работа и исследования. Возможно, в конце концов, он действительно заслужил, чтобы Смерть сжалась над ним как можно скорее.

Андрес остановился. За последние десять минут мимо не прошел ни один человек, не проехал ни один автомобиль. Улицы были пустынные и темны. Они источали густую влагу, с Темзы начал наползать туман, искажая свет уличных фонарей, и создавал вокруг них унылый бледный ореол. Археолог забеспокоился и ускорил шаг. В ста метрах показался тыльный фасад Национальной галереи, а позади слева – церковь Святого Мартина в Полях⁹.

Ветер стих, уступив место ледяному спокойствию. С каждым выдохом изо рта Андреса вылетали клубы пара. Так сильно похолодало? На лбу выступил холодный пот. Странно для этого времени года. Он стал параноиком? Места те же, улицы те же, что и всегда, но от окружающих зданий, казалось, исходило какое-то нереальное мерцание.

Нервы были взвинчены до предела, но он пытался успокоиться. Оглядел улицу. Никого. Пусто. Туман сгустился? Возникло неприятное ощущение, что он актер-импровизатор в пло-

⁹ Церковь Святого Мартина в Полях – самая известная приходская церковь в Лондоне.

хой экранизации Шерлока Холмса, но при этом играет вовсе не знаменитого сыщика. От быстрой ходьбы разболелись икры. Он был не в форме. Сильная головная боль пульсировала в висках. Нарастало тревожное ощущение приближающейся панической атаки. И хотя на первый взгляд бояться нечего, ситуация казалась сюрреалистичной.

Он снова увидел их. Тени. Тени, которым тут не место. Вокруг прятались тени. Тени преследовали его...

Он почувствовал, как одеревенели мышцы всего тела. Он прикусил губу до крови. Еще пятьдесят метров, и он окажется на Трафальгарской площади, в безопасности. На мгновение он пожалел, что не нырнул в метро на Лестер-Сквер, хотя было слишком поздно сожалеть об упущенной возможности. Он не был готов пройти несколько кварталов в таком состоянии.

Перед ним возникла внушительная фигура виконта Нельсона¹⁰, который со своего каменного постаamenta молча поглядывал на лондонское небо и заодно наблюдал за объявившим Андреа необъяснимым ужасом. Стая голубей пронеслась мимо его головы, подлетела к статуе и, громко шумя крыльями, исчезла в ночном небе. Он вздохнул. Трафальгарская площадь всегда полна туристов, в любое время дня и ночи. Там он будет в безопасности. Если кто-то и преследует его на улицах Сохо, он вряд ли станет нападать на него там.

Вдруг он почувствовал резкий и невероятно сильный толчок в грудь. Такое усилие, казалось, могло раздробить ребра и приподнять на несколько сантиметров от земли. Оно пронесло его, как невидимый поток воздуха, вниз по ступеням, отделявшим вход в церковь от сырого тротуара. Дыхание остановилось, а в спине полыхнула острая боль, когда его тело налетело на колонну входного портика церкви Святого Мартина в Полях.

Налившиеся кровью глаза Андреа, казалось, готовы были выскочить из глазниц, горло сдавило так, что он не мог вздохнуть и чувствовал себя рыбой, вынырнувшей из воды. Ноги едва касались земли. Что-то или кто-то удерживало его, сжимая шею и челюсть. Археолог пытался вырваться из хватки нападающего, но его неуклюжие пинки не принесли никакого результата. Затуманенным зрением он смог разглядеть боковой фасад Национальной галереи, возвышающийся за платанами, немymi свидетелями нападения. Нечеловеческим усилием ему удалось опустить взгляд. Кровь застыла в жилах.

Огромная фигура в зловещем плаще с капюшоном, держала его за горло мощной рукой и молча смотрела на него. Туман шел совсем не от Темзы. Он медленно закручивался вокруг таинственной фигуры, рисуя свирепые загадочные узоры. Профессор Коста подумал, что лишился чувств, когда из черноты за зловещим одеянием раздался утробный голос.

– Где они? – эти слова взорвались в его сознании, словно ракеты, запущенные к центру его нейронных связей.

Андрес зашевелился, но нападающий сдавил его шею еще крепче. Он хотел что-то сказать, а послышалось лишь жалкое поскуливание, слова застряли в горле. Жизнь ускользала от него, покидая тело, окруженное ореолом боли и страдания. Через несколько секунд его лицо приобрело отчетливый фиолетовый оттенок – воздух не мог преодолеть преграду, блокировавшую трахею. Этот человек, или кем он там был, душил его. Андрес почувствовал, что теряет сознание, а мир вокруг превращается во тьму.

Нападавший, казалось, понял, что происходит, хрипло зарычал и ослабил хватку настолько, что капли воздуха добрались до легких, вернув его к жизни.

– Где... они... что?..

¹⁰ В центре Трафальгарской площади стоит колонна Нельсона. Адмирал Горацио Нельсон – британский вице-адмирал, флотоводец. Одержал ряд побед над французским и испанским флотами, в том числе при Трафальгаре (в этом бою он был смертельно ранен).

В гневе неизвестный приподнял его еще выше от земли. Если бы он сжал шею чуть сильнее, то голова осталась бы у него в руке, истекая кровью.

– Ты знаешь, что я имею в виду, проклятый *вор*, – прорычал Некто из-под капюшона. – Я не люблю игры, и у меня нет времени на пустые препирания. Ты просто звено в цепи. Так или иначе, я найду то, что ищу. Я просто хотел дать тебе шанс, как и другим.

Другим? Андрес едва понимал смысл слов, теряя сознание. Он убил их. Так это было не проклятие, а убийца, палач. Но что он ищет? Что ему нужно? Чего он хочет? Это могло быть только одно, и все же...

Резким рывком гигантское существо прочертило рукой дугу над головой и подбросило Андреса на несколько метров в воздух. Археолог упал на асфальт улицы Данкэннон. Он скорчился. Похоже, он сломал руку. Покачал головой, умиряя волну боли. Он окинул взглядом перекресток улиц, где оказался, ища спасение среди океана тумана, который, казалось, ожил перед лицом неизвестного, обладавшего нечеловеческой силой. Где люди, где движение, настал ли тот момент, которого он так долго боялся и ждал? Так и есть, несомненно, это он. Горячие слезы страха и беспомощности текли по щекам, он смотрел на приближающуюся тень в плаще, поглощающем свет вокруг, мерцающую в призрачном безветренном воздухе в неподвижности внезапно наступившей ночи.

– Что... это... чего ты хочешь? – Андрес был удивлен, что смог сформулировать вопрос. Еще более он удивился мужеству, которое проросло в нем, несмотря на то, что перед ним стоял сам Жнец жизней.

– Я не убью тебя. Другие принесут мне тебя в жертву. Да, ты умрешь сегодня, – голос пронзил ночную тишину, угадав его мысли. – Я предлагаю тебе сделку. Если скажешь мне, где находится то, что я ищу, твоя смерть будет быстрой, как дыхание дракона. Если же предпочтешь скрыть тайну, боюсь, я не смогу предотвратить воплощение в жизнь худших из твоих кошмаров, и ты познаешь истинную боль тех, кто живет в подземном мире.

– Я не знаю, о чем вы говорите... – Археолог придерживал сломанную руку. Боль была ужасной, и положение, в котором рука оказалась после падения, только усугубляло ее, но он не мог нарушить обещание. Нужно быть сильным.

– Цветы Персефоны! – крикнула тень. Это был не просто крик, это была сила неизмеримой мощи, которая отражалась от каждого атома вокруг них, раскалывая землю, выплевывая куски асфальта в воздух. Болезненный вопль пронзил туман, осветив их силуэты.

Это все нереально. Никто и ничто не может управлять силами природы. Никто... и ничто. Он почувствовал головокружение, тошнота подступила к горлу. Боль стала невыносимой...

– Я... не... знаю, о... о чем вы... говорите, – настаивал Андрес, из последних сил пытаясь добраться до ближайшего дерева. Он прислонился спиной к твердому стволу и, собрав все силы, подталкивая себя пятками, сумел с пронзительным воплем подняться на ноги. Несколько секунд он пошатывался, но, в конце концов, обрел равновесие. Сломанная рука повисла, причиняя невероятную боль. Тем не менее он сохранил самообладание и смог посмотреть в лицо обидчика, которое по-прежнему было закрыто капюшоном.

Резким жестом фигура протянула к нему массивную руку, остановив ее в нескольких сантиметрах от носа, а затем с нарочитой медлительностью коснулась его. Андрес почувствовал, словно невидимый стальной коготь раздавил его мозг, все серое вещество превратилось в студенистую массу. Струйки крови стекали с носа на подбородок.

– Неважно, – сказал пронзительный голос, с отвращением опуская руку. – Это лишь немного замедляет мой путь к цели. Я бы даже не назвал это препятствием. У тебя есть мужество. Ты храбрый. Больше, чем я думал, больше, чем все твои друзья. Но твоя храбрость – мираж, который исчезнет, как только ты умрешь. Я не остановлюсь, пока не получу то, что принадлежит мне. Чего бы мне это ни стоило.

На короткий миг облака закрыли луну. Когда серебряный диск появился вновь, растворив мрак, тени в капюшоне уже не было.

Адреса начала бить дрожь. Он вдруг захохотал посреди лондонской ночи. Это был истерический смех, смех умирающего человека, который смолк, как только голос нападавшего зазвучал снова, на этот раз отражаясь от каждого атома вокруг него, эхом отдаваясь в нем самом.

– Пришло время искупить вину.

Этим словам вторило беспощадное эхо.

Липкий туман снова закружился у его ног, белесые пряди поползли в сторону Трафальгарской площади, к которой измученный археолог шел неуверенными шагами с твердой решимостью спасти свою жизнь. Опустошенный, он вскоре обнаружил, что площадь превратилась в своего рода архитектурное кладбище, где густой туман завладел каждым, даже самым маленьким и укромным уголком, придав ему вид кошмарного сновидения.

Услышав чудовищный рев, который разорвал туман с силой жезла Моисея перед Красным морем, доктор Андрес Коста понял, что его время вышло.

От страха нет лекарства. А если бы и было, то его не хватило бы, чтобы паника, блуждавшая по венам Адреса Косты и уничтожавшая его рассудок, исчезла.

Держась за руку, которая адски болела, Андрес размышлял о том, каким может быть его следующий шаг. Напавший на него зловещий человек исчез, туман окутал Трафальгарскую площадь, пополз к Чаринг-Кросс, и появилось оранжевое свечение.

Как могло случиться, что в этот час здесь никого не было? Это сон? Его накачали каким-то галлюциногенным препаратом? Что, черт возьми, происходит?!

Он протер глаза, океан тумана исчез, унося в своих волнах источник оранжевого свечения. Это ведь невозможно?

Dracoprileo chimaera.

Именно под таким именем это существо записано в каталоге Лондонского криптозоологического общества.

Леденящее душу существо остановилось возле фонтана сэра Эдвина Лютенса¹¹, из которого вытекала струйка воды. Глаза свирепого льва встретились с его глазами. Лев на Трафальгарской площади? Он счел это иронией. Нет, это был не лев, по крайней мере, не такой, какие изображены на огромных бронзовых скульптурах, охраняющих основание колонны Нельсона. Под пристальным взглядом лорда-адмирала, расположившегося на возвышенности, недалеко от одинокого портика Национальной галереи, Андрес Коста молился Богу – чего он никогда не делал раньше, – чтобы его безумие было лишь предвестником быстрой смерти.

Вдалеке завывала и тут же утихла пожарная сирена, поглощенная ночной темнотой. Почему никто не пришел на помощь? Археолог вздохнул, смирившись, и замотал головой. Никто бы и не пришел. В то утро он совершил ошибку. Теперь он уверен в этом. Он подверг опасности людей, которых любил больше всего на свете, и, к сожалению, у него не будет возможности загладить свою вину.

Нет, конечно, это не лев, как бы ему этого ни хотелось. *Dracoprileo chimaera* – существо из древних мифов, сказочное животное, которое, как говорят, обитало в Ликийских холмах юго-западной Турции и которое – о ужас! – обдавало его своим палящим дыханием.

Голова, несомненно, льва, очень большого льва, а из длинной золотой гривы поднимались два костяных витых рога, устремленных к луне, придавая существу демонический вид. Его тело непостижимым образом отрицало все известные законы природы. Похоже на чудовищную

¹¹ Фонтаны на Трафальгарской площади построены в 1840 г. В 1930-х гг. были реконструированы сэром Эдвардом Лютенсом.

козу с белоснежной шерстью. На всех конечностях были острые когти, поблескивающие сталью в свете уличных фонарей. И это еще не самое худшее, потому что из позвоночника монстра поднимался с яростным свистом покрытый чешуей кнут. На его конце находилась голова змеи, из острых клыков которой вытекал яд.

Dracoprileo chimaera, или Химера, как ее называли в древности.

Глаза льва, черные и блестящие, как обсидиан, казалось, были прикованы к глазам Андреса, который, в лихорадке от невыносимой боли в руке, не мог осознать реальность чудовища.

Он понял, что зрение его не обманывает, когда лев разинул пасть и изверг огненную жидкость, которая хлынула ему под ноги, вызвав мириады искр. Невообразимое превратилось в опасную реальность. Отчаянно уклоняясь, Андрес Коста изо всех сил побежал к единственному месту, которое могло дать ему укрытие: крыльцо с мраморными колоннами у входа в Национальную галерею.

Разрывая тишину ночи жутким ревом, зверь за его спиной изрыгнул новую огненную струю, окрасившую туман и фасады близлежащих зданий красноватыми отблесками. Пламя лизало пятки жертвы. Отталкиваясь задними конечностями, Химера стремительно бросилась к лестнице, по которой неуклюже пытался взобраться охваченный ужасом Андрес.

– Боже, этого не может быть! – хрипя, повторял он про себя, его легкие не могли втянуть ни глотка воздуха, он задыхался, сердце бешено колотилось в груди. И все же он удивлялся тому, что в такой критической ситуации его мозг работал на максимальной скорости, перебирая каталоги памяти, ища выход из этого кошмара.

– Химера... химера... дочь Тифона и Ехидны. Боже, ну и семейка! – Он снова споткнулся, едва не упав. Он почувствовал, как львиные когти впиваются в асфальт совсем близко, чересчур близко. Он снова сел. Из-за сломанной руки кружилась голова. – Химера умерла, он убил ее... Как же его звали? – Для призрака монстр двигался необычайно быстро, иронизировал он в отчаянии.

В последний момент он взял себя в руки и, в конце концов, поднялся по ступенькам, ведущим к двери музея. Андрес ударил изо всех сил, насколько позволяла здоровая рука, по девятисантиметровому чеканному металлу, отделявшему его от спасения. Никто не ответил. Там должны быть сторожа! Он оглянулся. Животное стремительно приближалось. Из уголков пасти выползли огненные нити, дымящиеся шлейфы, которые проносились в ночном воздухе и скользили по земле. Змея на хвосте свернулась в мерзкую спираль, готовясь к прыжку. Лев не спускал глаз с добычи. Едва ли восемь метров были существенной преградой. Зверя привлекал запах страха, сладкий и сильный. Еще несколько секунд, и все было бы кончено.

Андрес закричал, в отчаянии надеясь, что петли двери заскрипят и он вбежит внутрь, выдохнет и спасется.

Национальная галерея. Он проводил дни напролет, разглядывая прекрасные полотна любимых художников. Место досуга, место отдыха, могло стать единственным спасением. Если бы только открылась дверь...

Он чувствовал горячее дыхание на своей шее. Выдохнув, он смирился с тем, что не успеет попасть в музей, и ждал, когда последний удар монстра разорвет его спину, доставая сердце. Он всегда думал, что почувствует приближение смерти, однако был удивлен тем, что в его мыслях не было ничего, совсем ничего, только пустота.

И тут произошло чудо.

Раздался вой боли. Жар и зловоние дыхания вызывали неудержимое головокружение. Но удара не последовало. Избитый, замерзший до полусмерти и полностью потерявший чувствительность левой стороны тела, он повернулся с твердой решимостью встретиться лицом к

лицу с inferнальным существом. Но неожиданно увидел то, что заставило его ошеломленно улыбнуться.

Химера лежала на ступенях Национальной галереи.

«*Чудес не бывает*», – подумал Андрес, когда понял, что существо все еще дышит. Лев, казалось, потерял сознание; но ядовитая рептилия на хвосте злобно кусала воздух, обнажая вилообразный язык и плюясь ядом. Через всю спину мифического животного тянулась ужасная рана. Темная, почти черная кровь хлынула из нее, окрасив белоснежное, похожее на козлиное, тело и образовала вокруг него липкую лужу. Яркая металлическая вспышка вывела Андреса из оцепенения. Вспышка повторялась снова и снова, проносясь под светом уличных фонарей, будто *бумеранг*, хотя это означало бы...

Его сомнения разбрелись в тумане, который все еще скрывал Трафальгарскую площадь. Однако в этом тумане вдруг показался размытый человеческий силуэт, идущий к нему.

Непонятная фигура постепенно превратилась в высокого, крупного мужчину в длинном плаще, развевающимся за его спиной. Ветер трепал его волосы и сдувал последние клочья тумана.

Подходя, незнакомец поднял руку и быстро остановил металлическое устройство, ранившее Химеру. Дойдя до фонтана, в центре которого стоял красивый каменный младенец-тритон, он остановился на мгновение и, отложив загадочное оружие, достал из кармана своего плаща новый предмет.

Он был размером с небольшое яблоко, а сердцевина излучала глубокие синие отблески, которые осветили лицо таинственного человека холодным ореолом. Незнакомый поставил его на основание у каменного обода фонтана, и не успел он это сделать, как центральная ось предмета начала вращаться. Тут же возникло интенсивное свечение, окутавшее голубоватым ореолом все вокруг: колонну и статую Нельсона, большую часть Трафальгарской площади и фонтаны, вода в которых будто застыла... Этот ослепительный голубоватый взрыв наполнил темноту слабым бледным светом, который в итоге исказил и поглотил остальные цвета. За пределами этого необычного искусственного светового пузыря звездное небо над Лондоном оставалось неизменным и с ожиданием глядело вниз.

Незнакомец быстро приблизился к нему широкими шагами с кривой улыбкой удовлетворения на лице. Профессор Андрес Коста не понимал, что происходит, но было ясно, что он обязан жизнью этому человеку, кем бы тот ни был. Он уже собирался поблагодарить за неоценимую помощь, когда увидел, что лицо его ангела-хранителя – угловатое, с мощными челюстями – исказилось в удивленной гримасе. Миндалевидные глаза незнакомца расширились, как звезды, а из скривившихся губ вырвалось: «*Осторожно!*» И еще: «*Я опоздал*».

«*В конце концов*», – сказал себе археолог, осознавая происходящее, – *судьба пишется лишь раз*».

Сильный толчок отбросил его к входной двери Национальной галереи. Тело отлетело, как тряпичная кукла. Андрес услышал, что кости затрещали, будто сломанные ветки. Он был уверен, что никогда больше не сможет подняться. Спина горела. Коготь Химеры перерубил ему позвоночник. Глаза, залитые слезами, отразились в зрачках его разочарованного спасителя. Незнакомец беспомощно и печально смотрел на него, прося прощения, которого он не заслужил.

– Помогите... ему, пож... пожалуйста... помогите... ему, – после этих умоляющих и загадочных слов Андрес Коста испустил последний вздох.

В тени портика надменная Химера фыркнула от удовольствия. Она выполнила свою миссию. Из пасти, на которой нарисовалось нечто, напоминающее торжествующую улыбку, вырывались струйки огня. Змея, извивающаяся на хвосте, злобно шипела. Дело сделано, и у Химеры

не было причин продолжать терпеть наглый взгляд этого незваного гостя. Хотя, с другой стороны, этот дурак сумел ранить ее своей летающей остроносой *итуквиной*...

Она решила, что не стоит тратить на него время. Никто и ничто не может убить Химеру. С грохотом она проворно прыгнула на асфальт, намереваясь затеряться на улицах города. Когда она добралась до станции метро «Чаринг-Кросс», синий барьер преградил ей путь. Из горла зверя вырвался нетерпеливый рев. Нервно напрягая мышцы, она пустилась в безумный бег по направлению к Пэлл Мэлл Ист, к западу от пьедестала Нельсона, но и там натолкнулась на невидимую опаловую стену, которая отделяла ее от покрова темноты и которую она не могла преодолеть. Каким-то непостижимым образом она попала в светящуюся мышеловку. Львиная голова повернулась к незнакомцу, заточившему ее в эту необъяснимую голубую тюрьму. Из носа вырвались струйки густого и темного дыма.

Мужчина сел на ступеньку лестницы, ведущей к портику музея, возле трупа археолога. Он наклонил голову, подтянул колени к груди, сложил руки и вытянул их вперед. Его непроницаемые глаза, превратившись в ночные золотые диски, неотрывно смотрели на нее. Ветер кружил вокруг, сдувал листья с деревьев, трепал его волосы и полы плаща, придавая грозный вид.

– Попалась? – человек заговорил на загадочном языке, который могла понять только Химера.

Кем было это ничтожество, у которого хватило смелости противостоять ей? Вероятно, нужно отомстить за дерзость. Преподать урок. Урок чести.

Разъяренная Химера бросилась на свою новую цель. Она не боялась, так как не знала значения слова «страх». Ведь она внучка Геи и Тартара, дочь Тифона и Ехидны, сестра Орфа, пса Гериона, Цербера, пса ада, и Лернейской гидры. С такими родителями, братьями и сестрами кто может победить ее? Мышцы напряглись, как стальные тросы, и она стремительно бросилась на незнакомца.

Его глаза зловеще сверкнули, будто он ждал этого противостояния целую вечность. В мозгу Химеры мелькнуло сомнение, которое она тут же отмела, яростно фыркнув. Сейчас не время для нерешительности. Она растопила бы его кости одним своим дыханием. Для нее не было большего удовольствия, чем наблюдать, как жертвы корчатся в обжигающем потоке, вырывающемся из ее чрева. Почти за десять метров до цели она открыла пасть и извергла из своего желудка огненное копьё. Оно вылилось на землю, испепеляя каменные ступени. Химера остановилась, вцепившись когтями в асфальт от резкого торможения. Куда делось это ничтожное насекомое?

– Меня ищешь? – внезапно услышала она шепот у левого уха.

Химера заметалась, надеясь отбить атаку. Даже змея в хвосте пыталась вонзить свои ядовитые клыки в руку незнакомца, но животное не смогло увернуться от сильного удара, который пришелся между ребер и отбросил на несколько метров. Химера рухнула в пыль.

Как он уклонился от ее атаки? Почему она пропустила удар? Кто этот человек?

Она не дождалась ответа, незнакомец перелез через край фонтана. С невероятным мастерством он пробежал через капли воды, которые все еще неестественно висели в воздухе и теперь испарялись от его прикосновений. Он прыгнул, его плащ расправился, как крылья демона из Аверно. Когда он упал, ударив Химеру по спине, она взревела от боли, ее глаза горели, как раскаленные угли, и казалось, вот-вот вырвутся из глазниц.

После титанической борьбы руки мужчины сумели схватить пасть зверя, челюсть хрустнула. Пламя, вырывающееся из горла мифического животного, обжигало пальцы, а атаки ядовитой змеи на хвосте затрудняли движения. Спина чудовища изогнулась, как у гигантской кошки, и яростно дернулась. Издав отчаянный рев, монстр сумел вырваться из рук нападавшего.

Незнакомец покатился по земле и остановился, расколов кулаком асфальт, словно сухое дерево. Это грозное движение продемонстрировало замысловатую татуировку, которая шла

от указательного пальца по мускулистому предплечью и терялась под плащом. Мужчина медленно поднялся на ноги. Его дыхание было неровным, а мокрые от пота волосы свободно падали на лицо. Он рассвирепел, как и монстр, с которым он боролся.

– Пора заканчивать эту игру. – Он приложил руку к шее и из потайного кармана плаща достал нож немалых размеров, грубый на вид и, казалось, тупой. Он пренебрежительно направил его на зверя.

Химера самодовольно защебетала. Человек был настойчив, хотя и очень глуп. Неужели он думал, что сможет убить ее тупым ножом? Он ведь уже использовал гораздо более острый летающий предмет, но тот не сработал. Однако незнакомец оказался прав. Игра близилась к завершению. Очень скоро он доберется до животного и поразит его.

Конец близок. На самом деле он наступит уже через несколько секунд. Химера бросилась на нападавшего с бешеной даже для нее яростью. Голубоватое свечение, окутывавшее их, придавало шерсти на спине зловещий вид. Пасть льва раскрылась в последний раз, извергая яркую струю огня, которую таинственный незнакомец встретил бесстрашно. А затем, когда пламя почти лизнуло его лицо, он метнул нож в горло зверя, отпрыгнув в сторону, подальше от опасности.

Когда нож оказался в столбе огня, его лезвие начало разворачиваться под воздействием пламени. Химера, гордая своей силой, упивалась победой. Она решила, что ее следующая атака будет решающей.

Но следующей атаки не последовало.

Свинец, из которого был выкован нож, расплавился от огненного дыхания. Кипящий металл проник в горло, мгновенно изъязвил его, разъедавая мышцы и ткани, разрушая внутренности и пронзая органы. Вскоре он достиг сердца, чтобы раз и навсегда лишить зверя жизни. Химера, не понимая, что происходит, потеряла контроль над движениями, издавая пронзительные вопли, больше похожие на заупокойную молитву, которые эхом отлетали от фасадов зданий, окружающих Трафальгарскую площадь. Тело животного с неподвижными передними конечностями скользило по земле, пока не уперлось в бетонный столб на краю площади. Следы пламени и дымящегося металла засвидетельствовали жуткую агонию. В глазах льва, лишенных света и жизни, осталось удивление. Змея на хвосте после смерти Химеры продолжала угрожающе извиваться, ее яд сочился по неподвижному телу хозяина. Палач подошел к лежащему труп мифического существа и добил рептилию, яростно растоптав.

– Прямо как Беллерофонт¹², – попрощался он с монстром, отряхивая плащ.

Медленно он подошел к предмету, который недавно установил на краю фонтана на площади, – это он был источником голубоватого света, окутывавшего их. Он остановил его прикосновением указательного пальца, и темнота лондонской ночи жадно поглотила холодное голубое свечение, а вместе с ним и труп Химеры, который исчез, словно его и не было. Человек раздраженно шелкнул языком.

– Возвращайся туда, откуда тебе не следовало приходить. – Он поднял загадочный предмет, несколько мгновений рассматривал его, а потом положил обратно в карман.

Тело Андреса Косты все еще лежало на ступеньках, ведущих к Национальной галерее.

Он не мог допустить, чтобы его нашли.

Ему было грустно. При всей его силе он не смог предотвратить смерть ученого. И потерял единственную подсказку, которая у него оставалась. Он размышлял об этом, утешаясь лишь тем, что его враги находятся в похожей ситуации.

Он не верил, что Химера пришла в мир людей сама. Это невозможно, говорил он себе. Кто-то или что-то гораздо более могущественное, чем монстры, с которыми он имел дело в

¹² В древнегреческой мифологии сын либо коринфского царя Главка, либо Посейдона и Евриномы. В молодости нечаянно убил брата и был вынужден бежать в Тиринф к царю Прету.

течение нескольких месяцев, должно быть, стоит за этим и вынашивает какой-то темный план. Он знал, что они ищут и почему. Но кто был настолько жесток, чтобы оставить за собой такой кровавый след?

Человек, лежавший перед ним, перед смертью попросил его о помощи. Для чего? Вскоре он нашел ответ. Он нахмурился, увидев, что мертвец что-то крепко сжимает в руке. Наклонился и осторожно разжал пальцы. Это был испачканный кровью листок серой бумаги, утверждающий, что сегодня утром из Центрального почтового отделения Лондона отправлена посылка. Глаза незнакомца загорелись. Он все понял. Просьба о помощи кому-то. Возможно, еще не все потеряно. Может быть, еще есть шанс. Но теперь точно нельзя опоздать, нужно торопиться, ведь враги могут опередить его и первыми отыскать получателя этого пакета.

Он огляделся. Была другая проблема. Что делать с телом археолога? Представить произошедшее еще одной аварией, как в предыдущих случаях? Это был бы самый безопасный и практичный вариант, ведь кто поверит, что по *городу* разгуливает лев? По крайней мере, судебно-медицинских экспертов вряд ли удастся обмануть. Льва, способного совершить такое, не было даже в городском зоопарке, и подобное нападение казалось невозможным. Может, пожар? Он обыскал внутренние карманы пальто ученого и нашел его бумажник. Он жил недалеко... но и не очень близко. Сложно. В голову ничего не приходило. Он не мог допустить, чтобы страх перед монстрами овладел жителями Лондона. Пока нет. Он убрал кровь, как мог, и, удовлетворившись своей работой, снял плащ и положил его на землю. Оставалось еще несколько неувязок, вроде обугленных ступеней и обломков асфальта... В любом случае он не думал, что кто-то будет делать из мухи слона. Они бы точно списали это на вандалов. Он схватил тело и закутал его в плащ. Ввалил на спину и унес.

Ночь будет долгой.

Часть I Алекс

Видения

Через окно, поначалу несмело, проник луч света и сумел разорвать стальное небо, затянутое плотными облаками, предвещавшими бурю. Перед сонными глазами Алекса предстал удивительный мир светящихся парящих пылинок. Он улыбнулся и скучающе фыркнул. Остальные тоже не проявляли особого интереса к объяснениям учительницы математики. Раннее утро понедельника, тепло батарей и исходящая от него сладкая нега сонливости не помогли учительнице достучаться до учеников.

– Экзамены на носу. Времени почти не осталось. Мы уже прошли матрицы и производные, а теперь приступаем к интегралам. Интегральное исчисление – это раздел математики, в основе которого лежит исчисление бесконечно малых величин при вычислении площади криволинейной трапеции, а также при восстановлении функции по ее производной, – на этом моменте из конца класса до чутких ушей учителя донесся звучный зевок. Внутри, наверное, она вся истекла желчью, но продолжила урок как ни в чем не бывало. – Это может показаться простым тем, кто слушает, но таким мешкам с гормонами, как вы, будет чрезвычайно сложно. Сейчас покажу, как это решается, но, видимо, все равно придется повторить раз сто и потратить целую неделю.

Лицо Алекса скривилось в гримасе отвращения. Монотонное мурлыканье учительницы казалось ему назойливым комариным писком; мел выцарапывал на доске цифры и непонятные формулы. Рядом с ним его неразлучный спутник, друг с детского сада Ян, рисовал обезьянок в тетради для конспектов. В левом ряду, через два столика впереди, пара одноклассников обменивалась флешками, вероятно, с какими-то модными сериалами, из тех, что показывают по платным каналам. Рядом с ними Сандра, самая популярная девочка в классе, крутила прядь своих золотистых волос. Она считала этот жест невероятно сексуальным. Писала откровенные сообщения в WhatsApp своей подруге Розе, сидящей на другом конце класса, про новенького мальчика, который появился пару недель назад. Они обсуждали его мускулы и загорелую кожу. Остальная часть класса была погружена в дремоту, и только внимательная Анна в первом ряду, казалось, даже понимала, о чем говорит госпожа Франсина по прозвищу *Цифра*.

Цифра – настоящую ее фамилию никто никогда не слышал, многие даже сомневались, что она у нее есть, – одна из тех учителей, что водятся всюду – хоть тут, хоть в Африке. Крепкий орешек старой закалки, она все еще обращается к ученикам на «вы» и разговаривает так, что если бы речь могла пахнуть, то это был бы запах затхлости и нафталина. У нее сложный характер, граничащий с биполярным расстройством¹³. Она могла то пожелать доброго утра, скаля пожелтевшие от табака зубы, глядя сквозь толстые очки умными, но крошечными кротовыми глазками, то метко швырнуть кусочек мела прямо в лоб. Такое поведение неоднократно вызывало упреки со стороны руководства. Ее методы, мягко говоря, считали несколько экстраординарными и совсем не педагогичными. Тем не менее у нее, видимо, были хорошие связи, потому что мел – правда, уже не так часто – продолжал свистеть над головами учеников.

Несмотря на присутствие учителя, невероятная сонливость охватила весь класс, и вскоре Алексу стало трудно держать веки открытыми, словно коварный злодей насыпал ему в глаза по мешочку с песком. Сон овладевал им.

Парень вращал головой, откашливался и вытягивал свои длинные ноги как можно дальше, пытаясь избавиться от этого липкого ощущения. Каким-то мистическим образом слова учителя превратились в предательски коварную колыбельную, которая сломила его сопротивление, все же заставив задремать. Осознав, что на несколько секунд заснул, он, сму-

¹³ Биполярное расстройство – психическое расстройство, проявляющееся в виде аффективных состояний: маниакальных и депрессивных.

тившись, резко выпрямился на стуле. До его ушей донеслись отголоски разговора о вчерашнем матче лиги чемпионов, и он уже хотел вмешаться, но ходившие по школе легенды о глазах на затылке учителя математики остановили его. До весенних каникул оставалось совсем ничего, и он не хотел расстраивать мать.

Алекс потер глаза и постарался сменить позу. Бесполезно. Он почти сдался новой волне сна, и вот его веки рухнули, как стены осажденного города. Вдруг по позвоночнику пронеслась нервная дрожь. Он не понимал, спит ли он или все происходит наяву: учительница расплылась, как на экране плохо настроенного телевизора, а доска, на которой она писала, начала пульсировать, вибрировать, надуваться и сдуваться, словно легкие неведомого существа. Он протер глаза. Должно быть, ему снится сон. СНИТСЯ СОН. Или нет? Доска задрожала еще сильнее, и в ее центре, словно невидимым ножом, кто-то прорезал щель, через которую открылся ужасающий образ.

Казалось, его глаза вот-вот выскочат из глазниц. Он огляделся вокруг. Одноклассники более или менее внимательно слушали учительницу, которая, как размытое пятно, продолжала писать неровными штрихами на нетронутым участке доски.

Примерно в шести дюймах от ее изуродованной руки, внутри прорези в центре доски, бушевал сильнейший шторм над курганом... нет, холмом, на котором возвышалось архитектурное сооружение, которое Алекс сразу же узнал. Темное сердце облаков вспыхнуло, извергая содрогающиеся молнии, которые раскололи небо пополам. Крылатые тени охраняли упавшие колонны и капители¹⁴. На склонах холма, где деревья уступали место городу, бушевал пожар, уничтожая целые кварталы, окутывая здания удушливым черным дымом. Алекс почувствовал укол в груди. Послышались крики. Молния осветила мрачную сцену и ударила в старое оливковое дерево, которое тут же вспыхнуло. Пламя было настолько сильным, что часть здания рядом с деревом обрушилась, разбросав груды камней. Мальчик вздрогнул. Он видел это место на сотнях фотографий и карт. Это оливковое дерево посадила Афина в соревновании с Посейдоном. Рухнувшая часть здания была портиком кариатид¹⁵. Отвратительное кваканье почти заглушало раскаты грома. Темнота окутала город. Алекс будто поднялся по склону к вершине холма. Снова послышались крики, и среди них голос, от которого у Алекса кровь застыла в жилах. Он попытался встать со стула, сжимая челюсти в гримасе ужаса, но не мог пошевелить ногами.

– Мама, мама! Уходи отсюда, мама! – заплакал он.

Все тело задрожало, как будто кто-то или что-то его трясло. Он сопротивлялся, размахивая руками. Где-то в этом ужасном хаосе его мама была в опасности, и он должен был спасти ее. Нельзя потерять еще и ее.

Веки внезапно дрогнули и открылись. В дюйме от его носа оказалось неприятное лицо математички, смотревшей на него глазами меньше булавочной головки сквозь толстые линзы очков.

– Алекс, мальчик мой, что-то случилось? – Учительница держала его за плечи и энергично трясла.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы отреагировать. Это был сон, ужасный сон. Он покраснел.

– О, о, нет... Простите, простите, я...

– Не волнуйтесь, поначалу такое случается... – прошептала учительница ему на ухо.

Алекс посмотрел на нее в недоумении. Она не посмеялась? Даже не отпустила ни единого ироничного комментария? Что-то не так, совсем не так. Она сняла очки, подарив ему прекрасный взгляд медового цвета глаз, которые, кто бы мог подумать, скрывались за этими

¹⁴ Капители – венчающая часть колонны.

¹⁵ Портик кариатид – место захоронения мифического царя Кекрона.

старомодными очками. Алексу показалось, что она помолодела лет на десять. Он даже удивился, обнаружив, что учительница отнюдь не была некрасивой, а мягкие черты лица придавали ей зрелый, но очень чувственный вид. Даже волосы развевались в воздухе, как в рекламе шампуня по телевизору! Алекс посмотрел на окна в классе. Они были закрыты, дверь тоже. Что же двигало ее волосы? И почему одноклассники смотрели на него так серьезно, как будто ждали, что что-то вот-вот произойдет? Когда он снова повернулся лицом к учительнице, то все понял. Волосы шевелились не от ветра. Они живые, а их черные чешуйки переливались теперь темно-синими отблесками. Змеи на ее голове зашипели, пробуя воздух вокруг вилообразными языками. Некоторые раскрыли пасти, обнажив острые, угрожающие клыки.

– Не волнуйся, – снова повторила учительница, жадно вглядываясь и лаская лицо пальцами с острыми как бритва ногтями. – Тебе не будет больно. – Медуза Горгона приблизилась к нему, улыбаясь как голодная акула.

Алекс закричал.

– Боже мой, мистер Коста! Что за чертовщину вы вытворяете? Неужели не смогли найти более изящный способ сорвать урок, кроме как этими безумными воплями? – Учительница перестала писать на доске и посмотрела на него сквозь свои толстые линзы.

Класс застыл, а Ян ошеломленно смотрел на всех непонимающим взглядом. Очень неловкая ситуация.

– Только не говорите, что вы заснули! – сказала учительница, поправляя очки на своем крючковатом носу.

– Эм... Возможно... Я не знаю... – Сердце бешено заколотилось, Алекс был поглощен мыслями о своем необычном состоянии и вовсе не задумывался о том, что говорит.

– Черт! Как же громко он спит! – сказал кто-то на задних партах.

Общий смех только усилил его смущение. Хотелось провалиться сквозь землю. Щеки загорелись румянцем.

– У меня чуть инфаркт не случился! – рассмеялся мальчик с волосами цвета тыквы и лицом, усеянным веснушками.

Смех усилился.

Алекс поднялся, чтобы извиниться перед учительницей и одноклассниками. Но его все еще вялое, обмякшее тело не подчинялось должным образом, а правая нога ударилась о парту, и та грохнулась на пол, вызвав общий смех. Единственные, кто не смеялся, были Ян и Анна. Они смотрели на него с явным беспокойством.

– Боюсь, мистер Коста, вам придется зайти в кабинет директора после уроков. Уже второй раз за две недели с вами происходит нечто подобное. – Учительница была очень зла. Ее волосы, в которых уже не было ничего живого, свисали на лоб, тонкие и жирные. – Даже если предмет не по душе, у вас нет права думать, что класс – это медвежья пещера, где вы можете впасть в спячку до наступления хорошей погоды. У меня есть гораздо более интересные занятия, чем учить ленивых бездельников, которые спят на уроках. Если так пойдет и дальше, я буду вынуждена отправить вас домой, где вы сможете бездельничать до...

К счастью, звонок, сообщивший об окончании урока, избавил его от необходимости слушать бесконечную болтовню учительницы, потому что, хоть она и продолжала говорить без остановки, людской поток, ворвавшийся в коридоры школы, и звуки стульев и столов заглушили ее слова.

Наказания не избежать, но Алекс выдохнул с облегчением. По крайней мере, ужасное зрелище греческого Акрополя, захваченного непонятными существами и сотрясаемого смертоносной бурей, было лишь страшным сном. По дороге в кабинет директора он повернулся к учительнице, и в его голове снова возникла тень ящероподобных существ.

– С моими волосами что-то не так? – с сарказмом спросила учительница, скорчив гримасу отвращения, от которой стала выглядеть еще ужаснее.

- Нет, просто я вспомнил свой кошмар, – ответил Алекс, пытаясь скрыть дрожь в ногах.
– Ваш кошмар еще впереди, мой мальчик.
Учительница даже не представляла, насколько пророческими окажутся ее слова.

Пятнадцать минут спустя Алекс Коста вышел из главного здания школы в поисках своих друзей.

Он не сразу увидел Яна, расположившегося на скамейке. Школа установила большой получасовой перерыв, во время которого они обычно ходили в бар «У Рамона», где подавали сытные бутерброды с сыром и можно было сыграть партию в настольный футбол. Разумеется, в тот день Ян предпочел подождать, пока его друг вернется из кабинета директора.

К тому времени небо почернело еще больше, и воздух стал влажным. Легкий ветерок колыхал листья банановых деревьев по бокам футбольного поля, где несколько шестиклассников устроили матч. Остальные пытались скоротать время, бросая мячи в кольцо на баскетбольной площадке за зданием гимназии.

Засунув руки в карманы, Алекс подошел к другу, который ловко улизнул от двух парней, с которыми разговаривал о видеоиграх.

– Не делай это ради меня, Ян...

– Не волнуйся, чувак. В глубине души они благодарны мне. Им не нравится быть рядом с изгоями, – язвительно улыбнулся он.

Анна, обсуждавшая с одноклассницей задание для следующего урока литературы, увидела ребят и подошла к ним с печальным видом. Девушки, которые проходили мимо, пробормотали что-то, что, должно быть, показалось им очень забавным, и тут же разразились звонким смехом. Алекс чувствовал на себе взгляды одноклассников. Но даже и не думал реагировать. Они этого не заслужили, да и к тому же это было бы глупо. Он не хотел добавлять себе неприятностей. Их и так хватало.

– Как ты? Тебя наказали? – встревоженно спросила она.

Алекс скромно улыбнулся. Как же ему повезло в свое время подружиться с этой высокой, стройной девушкой со светлыми, мерцающими, красивыми глазами медового цвета и каштановыми волосами, которые она с нарочитой беззаботностью распускала по плечам. С момента их первой случайной встречи в переполненном коридоре шесть лет назад их дружба крепла, обрастая деталями и воспоминаниями. Он до сих пор помнил о том, как она помогла ему поднять с пола книги после того, как он столкнулся с ней: «Математика», «Окружающий мир»... и роман «*Остров Боуэн*» Сезара Мальорки¹⁶. Прошло много лет, сейчас они уже в выпускном классе. Алекс все время думал о том, что без этой девчонки-ботаника и без этого мальчишки-хулигана рядом он не выдержал бы все, что свалилось на него за эти годы. «*Друзья должны быть рядом и в горе, и в радости*», – сказала ему однажды Анна, и эта заповедь навсегда запечатлелась в их сердцах.

– Как они могут не наказать? – Ян отчитал ее в своей обычной манере. – У меня волосы встают дыбом от одной мысли о том, чтобы войти в офис *Очкарика*. Выбраться оттуда в одиночку – подвиг.

Анна снисходительно посмотрела на него и улыбнулась.

– Ты преувеличиваешь. Карлос – ягненок в волчьей шкуре.

Карлос де Родас стал завучем два года назад и, словно оправдывая свою фамилию, непоколебимо стоял на страже дисциплины, как настоящий Колосс Родосский.

– Анна права, – сказал Алекс. – Все не так уж плохо. Просто сказали, что это не должно повториться, иначе Комитет общежития будет вынужден отправить меня домой, отстранив от

¹⁶ Сезар Майорки дель Корраль, испанский писатель. «Остров Боуэн» – его самый известный роман, который вышел в 2012 году и получил несколько литературных наград.

занятий на три дня. Пока ограничились выговором. Но, учитывая мое положение, это довольно мягкое наказание. *Очкарик*, как ты его называешь, – сказал он Яну, – был хорошим другом моего отца, и он делает только то, что должен делать завуч, даже если нам это не нравится. А, да, и кроме выговора мне нужно сдать пару работ, не менее пяти страниц каждая, к пятнице.

– Ну, если учесть, что сегодня среда... – напомнил ему друг.

Анна села рядом с Яном, а тучи еще сильнее сгустились над их головами, и крошечные дождевые капли стали падать вниз. Алекс проворчал:

– Только этого не хватало.

– И все-таки, что с тобой произошло? Ты не на шутку перепугал нас. – Она посмотрела на Яна, и тот кивнул после нескольких секунд колебаний.

– Я не совсем уверен, – ответил Алекс. – Просто задремал, не то от духоты, не то не знаю из-за чего.

На самом деле он прекрасно знал из-за чего. Он не спал уже три ночи подряд.

– Задремал, мне приснился страшный сон.

– Насколько страшный? – спросил Ян, внезапно заинтересовавшись не столько своим другом, сколько уровнем *ужасности* его сна, но тут же схлопотал удар локтем в ребра от Анны, заставивший его фыркнуть от боли. – Эй, как грубо!

Такой же загадкой, как и его дружба с Анной, для Алекса было и то, как Анна с Яном могли терпеть друг друга. Ян был хулиганом. Иногда складывалось ощущение, что он весь состоит из грязных слов. В то же время он был славным малым, симпатягой с взъерошенными волосами и бегающими, как у хитрого проныры, глазами. У него было три брата. Он был самым младшим, тем, кому доставалась вся изношенная одежда и старые игрушки... и тем, кому оставалось меньше всего любви. Но этот недостаток любви компенсировался дружбой с Анной и Алексом.

Анна была его полной противоположностью. Умная, с чувством собственного достоинства, из богатой семьи. Как и Алекс, она была единственным ребенком.

То, что сделало бы другого невыносимым, в ней, напротив, воспитало скромный характер, в котором не было даже намека на высокомерие или хвастовство. А еще она с каждым годом все больше хорошела...

Алексу стало не по себе при мысли о том, какой привлекательной она стала. Как она превращалась из девочки в девушку, как прекрасны были ее глаза и *вздернутый* нос, из-за которого она еще больше походила на заучку. Алекс всегда повторял, что она напоминает ему Гермиону Грейнджер, подругу-всезнайку Гарри Поттера. Когда он так говорил, она злилась и уходила, громко и сердито фыркая, в точности так же, как та самая выдающаяся ученица Гриффиндора. Алекс гордился дружбой с ними, их связью, гораздо более сильной, чем любые материальные или культурные различия.

– Это было очень странное видение. Доска опустилась, и будто через окно я увидел... – Алекс пересказал свой зловещий кошмар.

– Это точно был греческий Акрополь? – спросила Анна, уже зная ответ.

– Я видел его тысячу раз в книгах отца. Могу нарисовать тебе план с точным расположением каждого здания с закрытыми глазами. Я абсолютно уверен, это был он.

– Ты, видимо, и правда рехнулся, раз говоришь, что *Цифра* была красивой... – недоверчиво пробормотал Ян, ухватившись именно за этот момент в рассказе. – Совсем чокнулся, – тихо повторил он.

– Ян! – упрекнула Анна.

– А что? – насмешливо улыбнулся мальчик.

– Посмотрел бы я на тебя, если бы ты увидел змей на ее голове, – сказал Алекс, все еще дрожа от этого воспоминания.

– Нет уж, спасибо, у меня *офидиофобия*¹⁷, как у Индианы Джонса, – помрачнел Ян.

– Посмотрите-ка, это что-то новенькое. Буду знать, – подмигнула Анна. – Только, боюсь, Алекс не рассказал всей правды. – Ее глаза напряженно блеснули.

– Что ты имеешь в виду?

– Урок, конечно, был скучным, но давай будем честны, ты никогда не был хулиганом. И всего лишь две недели назад с тобой уже было что-то подобное. То, что ты описал, может быть не сном или кошмаром, а галлюцинацией или... видением. Ты хорошо спишь по ночам?

– Ты употребляешь наркотики? – обеспокоенно спросил Ян.

– Нет, конечно нет. Как ты мог подумать? – сказал Алекс, обидевшись. – Ты ведь меня знаешь. – Алекс вздохнул. В конце концов, если поделиться тем, что с ним происходит, возможно, станет легче.

На футбольном поле победители принялись праздновать забитый гол криками и прыжками. Облака над головой все темнели, и вскоре все небо окрасилось в безрадостный металлический серый цвет.

– Анна права. Я почти не сплю по ночам. Боюсь сомкнуть веки. Когда закрываю глаза и засыпаю, вижу кошмары и... – его голос задрожал, и он ничего не мог с этим поделать. – Ощущения становятся все более и более интенсивными.

– Тебе снится одно и то же? – спросила Анна с интонацией врача.

– Более-менее. Сегодня это был красивый корабль в море. Он плыл, разбрызгивая пену при каждом движении кормы. На нем была вырезанная из дерева человеческая фигура. Она могла говорить и пророчествовать о будущем. Капитаном был мой отец, и вся команда, почти двадцать человек, безоговорочно ему подчинялись. Когда они увидели берег, чудовищный морской зверь разорвал корабль на две части своими ужасными щупальцами и отправил его в морские глубины. Это было ужасно. Я проснулся весь в поту, сердце колотилось как бешеное.

– Да, приятель, у тебя очень странные сны. Может, перед сном полистаешь журналы, которые я тебе оставил на той неделе...

– Не носи чушь, Ян. Этот корабль, это ведь «Арго», не так ли?

Алекс кивнул.

– «Арго»? Что такое «Арго»? И как ты вообще поняла, как он может называться? – Ян раздражался все больше и больше.

– «Арго» – это корабль, на котором Ясон и его команда плыли в Колхиду в поисках золотого руна, – пренебрежительно пояснила Ана.

– Аргонавты? – Ян тоже слышал об этом знаменитом мифе.

– Точно. Вот почему нос корабля говорил, ведь он был создан самой богиней Афиной из священного дерева, – заключила подруга.

– Откуда ты все знаешь? – спросил Ян с завистью. Ему не удалось запомнить элементы периодической таблицы, что уж говорить о классических мифах. Он вспомнил, что дома был диск с фильмом по мифу, и он решил его пересмотреть...

Девушка покраснела, на щеках появился румяный оттенок смущения.

Горячий спор футбольных команд на поле перерос в настоящую драку. Пара учителей, болтавших у входа в школу, похоже, не заметили этого.

– Так что, – резюмировал Ян, – твои сны связаны с мифологией. Может, найти психолога? Или «Бога войны»¹⁸?

– Ян, пожалуйста, не время для шуток, – упрекнула Анна. – Нам с тобой это может казаться странным, но Алекс живет с этими историями с детства. По причине, которая от нас

¹⁷ Офидиофобия – боязнь змей.

¹⁸ «Бог войны» (God of War) – серия компьютерных игр в экшн-жанрах hack and slash и action-adventure. Основана на древнегреческой и скандинавской мифологии.

пока ускользает, все, чему учил его отец, теперь всплывает в подсознании. Но мне кажется, важно не то, что он говорил, а сама травмирующая ситуация.

– Сколько я должен вам за консультацию, доктор? – Ян умел раздражать.

– Дурак! – Анна встала со скамейки и ударила друга в руку. – Тебе стоит поговорить с матерью, Алекс.

– Боюсь, ты права. – Ему совсем не хотелось вести долгий семейный разговор, но найти источник проблем все же стоило.

Прошло шесть с половиной месяцев после смерти отца, и он все еще не смог смириться с ней. Каждый раз, когда он возвращался домой из школы, сразу шел в кабинет, где отец раньше работал до самого утра в окружении стопок книг, но комната была пуста, монитор черен, внутри Алекса все обрывалось.

Мама не заходила туда с того самого рокового дня, который изменил их жизнь.

Алекс до сих пор в деталях помнил то утро, страх, который он испытал, глядя на растерянное лицо матери, молча слушавшей голос в телефонной трубке, ее мокрый плащ и как вода стекала по ее бледным щекам. Он вошел в комнату, тут же его напугал звонок. Алекс не успел ответить. Мать опередила его. Он остановился у порога, кто-то на другом конце линии сказал маме, что ее муж попал в аварию. Не справился с управлением на скользкой от дождя дороге. Машина врезалась в грузовик.

На похоронах было много людей.

Отец Алекса больше двадцати лет преподавал древнюю историю в университете. Его статьи публиковались во множестве журналов, он всегда пользовался уважением коллег. Помимо того что он был профессионалом, он был прекрасным человеком. И вот сотни людей пришли на похороны, чтобы отдать ему дань уважения.

С того проклятого дня его мама проходила курс психологической поддержки. Она винила себя в смерти мужа. Из-за ливня он решил забрать ее с работы, но ей не пришло в голову позвонить и сказать, что она поедет на такси. Эта досадная ошибка изводила ее.

Дождь. Проклятый дождь. Алекс ненавидел его.

Без сомнения, Анна попала в яблочко. Учителя и родственники были очень обеспокоены тем, насколько глубоко мальчик погрузился в себя. Даже мама предложила сходить с ней к врачу, но он отказался. Он считал, что все в порядке, что ему не нужно ни с кем говорить о своих проблемах. А уж тем более с *мозгом*. Тем не менее иногда он удивлялся, как смог это пережить. Существовало только одно объяснение, более простое, чем кто-либо мог себе представить. До появления загадочных снов в памяти Алекса были только самые приятные воспоминания. Но со временем их поддержка начала ослабевать. Воспоминаний о счастливых минутах, проведенных в кабинете отца, у него на коленях, когда он, словно читал сказку, рассказывал о любовных похождениях Афродиты, подвигах Геракла или хитросплетениях власти и ненависти на Олимпе, управляемом железной рукой Зевса, стало недостаточно для поддержания его эмоциональной стабильности. И вполне возможно, что все эти кошмары пробивали брешь в защите, и теперь в его голове стали собираться кусочки пазла, выражающего неизбежную истину: отец умер, и он никогда больше его не увидит.

На глаза Алекса навернулись горячие слезы, которые сразу и высохли, потому что произошло нечто, заставившее его забыть о недавних неприятностях. И он понял, что впереди новые трудности, которые придется преодолеть, чтобы выжить.

Волк

Хорошо известно, чтобы превратить простой спор в драку, подросткам хватает малого. Достаточно одного взгляда, толчка, и гормоны сделают свое дело, и любой пустяк превращает встречу в минное поле.

И вот что произошло меньше чем за три мгновения.

Команды остановили обычную утреннюю игру и превратились в петухов, защищающих воображаемый курятник, ругаясь и нанося удары, которые не попадали в цель только благодаря разумному вмешательству трех или четырех героических мальчишек, не потерявших пока разум, которые рисковали своими шкурами в попытке прекратить потасовку.

– Футбол и мальчики – нестабильные элементы. Вместе они опаснее, чем пузырек нитроглицерина в блендере, – осуждающе сказала Анна, глядя на все более удручающее и свинцовое небо.

– Девчонкам этого не понять, – улыбнулся Ян, наблюдая за сценой с явным интересом. – Жаль, что ставки не сделать, а то...

– Десять евро на левую команду, – услышал он позади себя голос высокого прыщавого мальчика, который вместе с несколькими одноклассниками с интересом наблюдал за дракой.

– Идет! – объявил Ян, подняв руку.

– Ян! – Анна дала ему дружескую, но ощутимую пощечину.

Искрой, вызвавшей драку, послужила жесткая игра ворвавшегося в матч мастодонта из девятого класса. Он молниеносно подбежал к мячу и изо всей силы ударил, но попал по ноге бедного шестиклашки, которому не повезло замешкаться на несколько секунд перед ударом. Новичок продолбил бетон – и часть ворот, – запустив кипящую бочку с тестостероном.

Несколько учителей, проходивших мимо импровизированного футбольного поля, стали свидетелями жестокого фолла – который в профессиональном матче означал бы не одну, а как минимум две красные карточки для наказанного игрока – и попытались навести порядок, но выглядело так, будто они пытались усмирить ураган. Что еще хуже, тучи в этот момент решили разверзнуться и разрешиться от своего бремени сильным дождем, который начался с мелких капелек, но вскоре превратился в плотный ливень.

– Давайте убираться отсюда на счет... три! – Ян вскочил со скамейки, на которой сидел, и указал рукой на вход в школу.

– Поддерживаю, – начала Анна. На полпути она остановилась, увидев, что ее друзья стоят на том же месте. – В чем дело? Вы замерзнете до костей!

Игольчатые капли дождя становился все тяжелее, а от земли поднимался резкий запах озона. Звук ударов воды о землю превратился в *крещендо*¹⁹, которое грозило в считанные секунды переродиться в *allegro ma non troppo*²⁰. Однако Алекс смотрел за пределы футбольного поля. Волосы прилипли ко лбу, лицо показалось Анне встревоженным.

Воспользовавшись ливнем, суматохой на поле и тем, что многие мальчики убежали, Роман и несколько его сообщников вышли из своих укрытий и напали на того, кто лежал на земле, и тот отчаянно пытался защититься от них.

Ян проследил за направлением взгляда друга и понял, что собирается сделать Алекс.

– Не ходи туда, приятель, – серьезно сказал он, положив руку на плечо Алексу.

– Никто их не заметил. Вот ведь чертов ублю... – Слова Алекса заглушил раскат грома, прорвавшийся сквозь мрачные тучи. Яну не нужно было объяснять, что происходит. – Если мы не остановим их, они убьют его.

¹⁹ Крещендо – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

²⁰ Allegro ma non troppo – музыкальный термин, обозначающий «быстро, но не слишком».

Роман по прозвищу Волк был опасным персонажем. Его боялись и учителя, и ученики. Он учился на последнем курсе скорее из необходимости, чем от желания, и все же надо признать, он был неглуп. Проблема не в знаниях, проблема была в нем самом. Ростом почти шесть футов²¹, размах рук больше, чем у гориллы, вес девяносто килограммов, бритый массивный череп и военные ботинки с металлическими носками – все это наводило на мысль об идеологии, которая пугала большинство и привлекала бездумное меньшинство, жаждущее лидера, который бы повел их за собой. И Роман пользовался этим. Вольф, Волк – так его все называли – сумел окружить себя группой приспешников, которые подчинялись ему так же слепо и беспрекословно, как ягнята, идущие на бойню, и которые радовались его бравате, поощряя непримиримость, расизм и ксенофобию.

О Волке ходили страшные слухи, которые передавались из уст в уста, создавая вокруг него ореол силы и ужаса, который был ему только на руку.

В частности, ходила о нем одна темная легенда, и никто ее не опровергал, так что она стала уже осязаемой реальностью. Рассказывали, что однажды его вызвали в кабинет директора за изображения свастики, которыми он украсил свой портфель. Охваченный яростью, Волк стал угрожать директору и его семье такими зверствами, что в конце концов тот просто отпустил его. Доподлинно неизвестно, так ли все было на самом деле, однако через два дня у директора случился сердечный приступ, который едва не отправил его на тот свет.

Роман был *скинхедом*²², их еще называют *бритоголовыми*, и заслужил репутацию скандального задиры. Говорили, что по выходным вместе со своими товарищами он устраивает рейды по улицам старого квартала в поисках какого-нибудь несчастного, чтобы выместить на нем всю свою злобу, избивая до тех пор, пока тот не оставался лежать бездыханным в каком-нибудь темном переулке. Весь грех их бедных жертв в том, что их угораздило родиться не такими, как все.

Школа стала для Вольфа идеальной средой, подпитывающей его самые разрушительные инстинкты. Иммигранты, как и в других регионах страны, стали появляться и в школах. Китайских, восточноевропейских и южноамериканских учеников распределяли по классам, создавая богатый, хотя и сложный, мультикультурный ландшафт. И Роман охотился на них, высвобождая свой гнев. Несколько раз его пытались привлечь к ответу, но его отец был важным членом школьного совета и влиятельным депутатом городской думы, поэтому было очень трудно его исключить.

Вольф – стихийное бедствие, пятно, которое невозможно отстирать.

В то дождливое утро Волк нашел ягненка, чтобы сожрать его за один присест.

Его звали Абдалла, он был марокканцем. Он дрожал, был напуган, весь сжался в панике и отчаянии. Вокруг исписанные листы бумаги хаотично рассыпались по лужам. На него с высокомерием и без всякого сострадания смотрели четверо парней. За ними возвышалась огромная фигура Романа. Вода стекала по его бледному лицу, густыми каплями скатывалась с кончика носа. На его губах, словно у клоуна-убийцы, играла острозубая улыбка.

– Я давно ждал тебя, мавр.

Бездумные зомби Волка разразились наглым хохотом.

– Почему бы тебе снова не вернуться в твою поганую страну? – отплюнул он. – Мы и без того вынуждены созерцать грязные лица ваших родителей повсюду на улицах. Они отбирают у нас пространство и рабочие места. Неужели мы обязаны терпеть еще и их жалких отпрысков рядом с собой? Боюсь, нет, мавр. Мы положим этому конец. Мы обязаны навести порядок в обществе, потому что мы его солдаты. Понимаешь? Хотя не думаю, что твой обезьяний мозг способен на это.

²¹ Около 185 см.

²² Собирательное название представителей националистической молодежной субкультуры.

Абдалла ползал по грязной земле, стуча зубами и дрожа, бросая отчаянные взгляды то в одну, то в другую сторону в поисках чего-то или кого-то, кто мог бы ему помочь.

– Пожалуйста... пожалуйста... не бей... Я отдам все, что захочешь...

– Давай я разрежу ему лицо, как тому нищему на днях, Вольф, – предложил один из его дружков, высокий тощий парень, лицо которого было таким худым, что кожа обтягивала кости. В его руке с костлявыми, как у Носферату²³, пальцами опасно сверкало металлическое лезвие бритвы.

– Не будь дураком, – огрызнулся Роман. – Мы в школе, ненормальный. Хочешь, чтобы нас отправили в колонию для несовершеннолетних? Убери это. Есть и другие способы, – его слова были пронизаны такой злобой, что мальчик на земле был потрясен до глубины души.

– О да, Вольф, ты умеешь, – задыхаясь, произнес невысокий, пухлый, отталкивающего вида парень, который смеялся со звуком, похожим на крик осла.

Роман достал из кармана брुक металлическую штуковину с отверстиями, в которые он вставил пальцы правой руки, превратив ее в кисть робота-убийцы. Он орудовал кастетом с невообразимой ловкостью, приобретенной от многократного его использования. В глазах Волка загорелся отблеск ненависти.

– Подойди сюда, мавр, – пробормотал он, стиснув зубы. Вода стекала по его выпуклому черепу, придавая еще более устрашающий вид. – Я кое-что тебе покажу. Ты узнаешь, кто здесь главный. – Он сжал челюсти, проводя языком по толстым губам. – Вставай! – приказал он.

– Нет, нет, ради всего святого. – Абдалла закрыл лицо руками, чтобы защититься, как будто таким образом мог укрыться от нависшей над ним угрозы.

– Ты что, не слышал, маленький засранец? – прорычал третий сообщник Волка, зловещего вида парень в шипованной кожаной куртке, из-под которой виднелась тканевая футболка с эмблемой СС на груди.

– Вставай, мразь!

Этот последний член мерзкой группы был светловолосым, голубоглазым и с немного женоподобными чертами лица. Всем своим видом он напоминал об арийской расе, надменно и так по-фашистски взирая на неугодных. Абдаллу несколько раз пнули и подняли на ноги, он закашлялся, задыхаясь. Согнулся, плача от стыда, страха и боли, ему с трудом удалось встать.

Он стоял, дрожа, держась за бок, струйка крови стекала по разбитой губе. Ему было страшно даже смотреть на нападавших.

– Запомни на всю оставшуюся жизнь, насекомое. Мы здесь главные, и если смогли однажды вернуть тебя в твою страну, то сможем сделать это и снова. – Он скривил губы в саркастической гримасе. – Тебе следует гордиться, ведь тебя забьет до смерти ночной солдат, волк... твой бог.

Вспышка молнии осветила металлический кулак, прежде чем он вонзил свою ненависть в лицо несчастного мальчика. Абдалла с непонятной покорностью ждал несправедливого наказания. Но оно не последовало.

Водяной занавес разделился надвое, пропуская Алекса, который набросился на Романа, блокируя его как в лучших играх финала НФЛ²⁴. От неожиданной атаки Волк потерял равновесие и упал на колени в грязь.

– Сукин сын! – вскрикнул парень в кожаной куртке и вытащил откуда-то толстую цепь, которая, разрывая поток дождя, просвистела в нескольких сантиметрах от головы Алекса.

– Беги! – крикнул он Абдалле, и тот, после нескольких мгновений колебаний, поспешил в направлении школы.

²³ Носферату – синоним слова «вампир».

²⁴ Национальная футбольная лига (США) – профессиональная лига американского футбола (регби).

Лезвие ножа мелькнуло перед глазами Алекса, выскользнуло из руки владельца и исчезло в луже воды, когда кулак Яна погрузился в живот одного из прихвостней Романа, и тот с глухим хрипом упал на землю, пытаясь перевести дыхание.

Волк встал, сгруппировавшись. Дождь бил по его телу, но не мог сокрушить. Вольф сплюнул, презрительно оглядывая Алекса.

– Что вы, конченные придурки, себе позволяете? – прорычал он, бешено смахивая воду с лица.

– Даже Богу теперь вас не спасти! – стиснув зубы, сказал светловолосый ариец.

– Что этот парень тебе сделал? – выкрикнул Алекс так, чтобы его было слышно в непрекращающемся шуме ливня.

– Родился! Вот что он мне сделал, – заревел Роман, как бык.

– Он всего лишь ребенок! – смело проговорил Ян, насторожившись и готовясь отразить любое движение горилл Романа, что было достаточно сложно, учитывая, что Алекс не боец, громил четверо, а он, по сути, один.

– Это его проблема, – прорычал Волк, нетерпеливо поглаживая свой кастет.

– Что здесь происходит?

Решительно ворвался в разговор завуч Карлос де Родас, и с ним еще несколько учителей.

– Все в порядке, учитель, – сказал Роман, с лукавой улыбкой засунув свой кастет в карман. – Давайте просто скажем, что мы... обменивались мнениями.

– Мохаммед Абдалла рассказал, что вы напали на него и что только благодаря этим двум мальчикам ему удалось убежать, – завуч оглядел членов зловещей группировки Романа, и ни у кого из них не хватило смелости ответить, кроме Вольфа.

– У *детей* очень богатое воображение, вы же знаете, учитель, – нахально сказал он. – Мы просто помогли ему собрать тетради, – он наклонился, собирая размокшие клочки бумаги, которые все еще были разбросаны по земле. Его друзья даже не особо пытались скрыть свой смех.

– Я понял. – Карлос де Родас сжал челюсти, мышцы его шеи напряглись, и на его левом виске появилась толстая сильно пульсирующая вена. – Вы двое, – обратился он к Яну и Алексу, – Идите в спортзал и обсохните, если не хотите получить пневмонию. А вас пятерых я хочу видеть в своем кабинете через десять минут. И если кто-то не явится, последствия не заставят себя ждать.

Учителя, сопровождавшие его, смотрели друг на друга с недоумением. Завуч был серьезен. Это зашло слишком далеко. Пришло время раз и навсегда положить конец этому разгулу насилия. Если придется выкинуть из корзины гнилой плод, который загрязняет все вокруг, то так тому и быть. Он не хотел, чтобы в его школе нацисты творили что хотели. История и без того полна их злодеяниями.

– Как скажете, *господин завуч*, – пожал плечами Роман. – Пошли!

Как свиньи в стаде, его приспешники последовали за ним, демонстрируя гордость и высокомерие.

Дождь начал стихать, и где-то в небе облако пропустило несколько лучей солнца, прочертивших слабую радугу на неземном полотне.

Проходя мимо Яна и Алекса, Роман Волк незаметно для учителей успел прошептать фразу, которую четко расслышали мальчики:

– Вы подписали себе смертный приговор.

Новый учитель

Алекс и Ян опоздали на урок естествознания. Учительница, молодая женщина, такая худая, что казалось, она вот-вот сломается, бросила на них неодобрительный взгляд, но ничего не сказала, поскольку завуч ее предупредил. Через полсекунды после того, как мальчики плюхнулись на свои стулья, учитель продолжила объяснять функционирование аппарата Гольджи в цитоплазме эукариотической клетки.

Анна, которая успела поменяться местами с одноклассником, сидящим прямо за Алексом, наклонилась к своему другу и прошептала:

– Вы герои. Мне сказали, что у них нашли кастет, несколько цепей и нож, который все еще был в луже на площадке. Они, конечно, заявляли, что ничего о нем не знают. Их исключат, – в ее словах прозвучали торжествующие нотки.

Шепот донесся до передней части класса и начал нервировать учительницу. Она бросила на них испепеляющий взгляд через свои старомодные очки в металлической оправе.

Анна заметно покраснела и резко выпрямилась. Урок продолжился.

Алекс все еще пытался осмыслить ее слова. Да, круто, они теперь герои, но ведь на кладбище тоже полно могил смельчаков с красивыми надгробиями и пышными эпитафиями. Конечно, он понимал, что они поступили правильно, но часто последствия оказываются не такими, как ожидалось. И благодаря его вмешательству Вольфа и его шайку выгонят. Это было нехорошо. По крайней мере, для самого Вольфа. *«Когда Ян узнает, он запрыгает от радости»*, – язвительно подумал Алекс.

– Итак, вспомним митохондрии. Это своего рода энергостанции внутри клетки. Многие важнейшие метаболические процессы проходят в... – Ян, который сидел в свитере на несколько размеров больше, бросил на него многозначительный взгляд. Нет, Ян определенно не был рад этой новости.

Дверь в класс снова открылась, и надо было видеть лицо учительницы. Алекс словно прочитал на нем: «Что за день? Они сговорились не дать закончить тему? Ну, им же хуже. Скоро экзамены, а предмет все равно нужно сдавать. А если мы ничего не успеем, то...» Но эти мысли споткнулись и отправились в небытие, когда в класс вошли.

– Какой красавчик! – беззастенчиво воскликнула девушка на задней парте.

По классу пробежал шепот, подтверждающий слова девушки. Вскоре он превратился в оживленное обсуждение.

Алекс понимал, одноклассники правы. Вместе с маленькой, пухленькой учительницей истории ростом едва ли пять футов²⁵ вошел молодой, улыбающийся, огромного роста мужчина с вьющимися волосами. Казалось, даже дверь для него слишком мала. Его лицо было словно выточено из тонкого дерева: выдающийся подбородок и четкие скулы. Цвет кожи был где-то между бледным и золотистым, как у человека, которому посчастливилось жить под средиземноморским солнцем и наслаждаться его лаской. Его волосы, черные как ночь, длинными густыми локонами падали на плечи. Он обладал впечатляющей осанкой, двигался с кошачьей грацией, несмотря на свой внушительный рост. Но именно его миндалевидные изумрудные глаза завораживали *всех* девочек-подростков в классе.

По непонятной причине Алекс почувствовал покалывание в животе, которое заставило его нервничать. Он ревнует? Мог ли он испытывать это чувство из-за незнакомца, который даже не успел еще открыть рот? Или это просто нездоровая зависть подростка, о котором еще никто не говорил так, как одноклассницы об этом таинственном мужчине?

²⁵ Около 150 см.

Ян повернулся к другу с вопросительным взглядом. Алекс пожал плечами, показывая, что совершенно ничего не понимает.

Учителя переговаривались в течение нескольких секунд. После этого учительница естествознания, недвусмысленно выказывая свое недовольство, отошла назад, уступив место непрошеным гостям. Учительница истории – она же заместитель директора – в тщетной попытке набрать несколько сантиметров вытянула голову, насколько позволяли ее шейные позвонки, но не слишком успешно, и громким криком потребовала внимания учеников. Получив его, женщина расплылась в улыбке.

– Пожалуйста, будьте так добры, не шумите, – попросила она пронзительным голосом, отлично соответствующим ее росту. На мгновение Алексу вспомнились белки из одного мультсериала. – Прежде всего, я должна поблагодарить вашу учительницу, Терезу, за ее доброту, за то, что она уделила мне несколько драгоценных минут своего урока. Я не люблю прерывать коллег, но не могла не воспользоваться этой возможностью. Видите ли, – терпеливо объяснила она, – через несколько дней, как и каждый год, пройдут школьные дни культуры. Будет несколько сессий с конференциями и кинопоказами по предложенной в этом году теме. Несколько месяцев назад руководство школы обратилось к кафедре истории, членом которой, как вы знаете, я являюсь, с просьбой подобрать тему для конференции. Должна признать, – горделиво произнесла она, – что все мои коллеги были очень польщены таким предложением. Мы несколько дней обсуждали, выбирая лучшее предложение, и после напряженных дискуссий приняли решение. Наша тема в этом году... – она сделала паузу, чтобы захватить внимание студентов, – «Классическая мифология»...

Алекс подпрыгнул. Он даже не смог повернуться и взглянуть на удивленное лицо Анны.

– Черт! – шепотом пробормотал Ян. Но ему показалось, что он слишком громко это произнес, потому что учительница естествознания посмотрела на него таким суровым взглядом, что он невольно вжался в стул.

Послышались и другие звуки, выражающие крайний энтузиазм, но не столь явные, как у Яна. Учительница истории, казалось, была удовлетворена результатом своего объявления.

– На этом многотрудном поприще нашей надежной опорой станет компетентный совет специалиста. – Некоторые коллеги говорили, что ее речь застряла в прошлом на пару сотен лет, но маленькая женщина любила использовать необычные слова для создания сложных, запутанных предложений. Она будто стремилась вернуть то время, когда красоте языка уделялось куда большее внимание, чем сегодня. – Это профессор Селкаре, скажем так, друг моей подруги, – она глупо засмеялась. – Профессор посетил многие европейские университеты с великолепными лекциями по мифологии. Даже университетские аудитории не вмещали всех желающих. Как мне сказал сам профессор, больше всего он любит передавать свои знания молодому поколению. Профессор Селкаре поведаст нам о легендах, историях и мифах прошлого – корнях нашей цивилизации. Поскольку профессор пробудет в нашей стране недолго и сейчас занят оформлением документов, я взяла на себя смелость попросить его познакомиться с вами, и он с большой любезностью согласился. Профессор... – Жестом руки она дала понять, что передает ему слово и у него не остается выбора.

– Большое спасибо, – голос мужчины был низким и приятным, с легким незнакомым акцентом, который придавал ему ауру таинственности, еще больше усиливая его привлекательность. – Меня зовут Алкид Селкаре, я из Греции. У меня появилась счастливая возможность поделиться своими знаниями со всеми вами, по крайней мере, я постараюсь это сделать. Но, поверьте, то, что я расскажу, всего лишь капля в море. Вы приоткроете дверь в историю моих предков и их верований. – Он сделал короткую паузу, словно задумавшись над собственными словами. – Окружающая нас реальность слишком сложна, слишком обширна, чтобы постичь ее целиком, и именно поэтому на протяжении всей истории человечества нам, людям, требо-

вались символические точки опоры, за которые мы могли бы ухватиться, чтобы пережить ее необъятность. Эта опора – мифы, с которыми мы познакомимся через несколько дней.

Женские вздохи становились все более громкими, и, как казалось Алексу, даже учительница естествознания, чересчур внимательно слушала гостя.

– Мы всегда нуждались в мифах, героях, чудесных историях из древних времен и далеких мест для того, чтобы лучше понять окружающую действительность. И сегодня, как бы вы к этому ни относились, мифы продолжают оставаться частью нашей жизни, хотя бы в виде персонажей фильмов или романов. А как насчет спортсменов, актеров или певцов? Разве мы не подражаем им, перенимая их стиль одежды, прически или татуировки? – Он закатал рукава свитера и рубашки, обнажив впечатляющую непонятную *татуировку*, которая покрывала почти всю его правую руку, чем вызвал удивленные возгласы уже среди мальчиков. – Однако я намерен пойти дальше и спросить, например, чем нам сегодня может быть полезна история Одиссея и злоключений, которые произошли с ним, когда он пытался вернуть себе трон Итаки, или кем были титаны? И нет, я не о тех, которые упомянуты в популярной японской манге. Существовал ли Минотавр на самом деле, правда ли, что Цербер, трехголовый пес, охранял врата царства Аида? Все это, а также многое другое мы сможем обсудить с вами в ближайшее время.

Наступила тишина, на этот раз вызванная гипнотической речью профессора. Наконец, учительница истории пришла в себя, разгладила юбку и тепло попрощалась с коллегой, уводя профессора Селкаре. Восторженные взгляды девушек провожали его, пока за ним не закрылась дверь.

Прошло несколько минут, прежде чем класс вернулся к нормальной работе и ребята погрузились в естествознание и изучение морфологии эукариотической клетки. Алекс признал, что новый учитель гораздо интереснее большинства из тех, с кем они сталкивались ежедневно, и неохотно предположил, что его неоспоримая средиземноморская красота уже стала иконой для друзей и одноклассников. Ему было не по себе от набора совпадений, которые кружились вокруг его персоны: тревожные сны, связанные с миром мифологии, объявление о проведении культурной конференции, посвященной этой теме...

Все это было странно. И визит этого профессора как гром среди ясного неба. Будто часовой механизм заложенной бомбы неумолимо начал обратный отсчет. У Селкаре, казалось, очень хороший характер. А если нет? Когда вы в последний раз видели профессора, гордо и без всякого стеснения демонстрирующего эффектную татуировку на правой руке? И, будем честны, за это он получил немало *лайков*.

Подарок от дяди Андреса

Когда Алекс вошел в дом, одинокое эхо шагов раздалось в ушах, его опять охватило ноющее чувство тревоги, не отступавшее уже несколько месяцев. Он понимал, почему мамы нет. Она с головой ушла в работу в рекламной компании. Она очень успешный работник – два года назад она получила одну из самых престижных европейских премий в своей отрасли. И теперь пытается спрятаться от проблем, придумывая яркие лозунги. Но все же ему было крайне тяжело не слышать привычный голос отца, приветствующий его из кабинета, видеть пустые безжизненные комнаты... Мало того, он влез еще в неприятности с Волком и его стервятниками.

Он пошел на кухню и сделал себе бутерброд. В животе уже давно урчало. Прикончив его за пару укусов, он приступил к домашнему заданию: пара эссе, работа, которую завуч дал в качестве наказания, и дюжина упражнений по аналитической химии на тему молей и молекул. На время он забыл о своих проблемах. Когда закончил, солнце уже опускалось за горизонт над крышами домов, силуэты на фоне оранжевых тонов, которые почему-то задели его, принесли беспокойство и тревогу. Этот ком в горле, душевная травма, которая тяготила его, никак не исчезает, и больше всего его пугал вопрос, исчезнет ли вообще. По словам доктора Мора, психолога, к которому ходила мама, это произойдет, когда разум осознает истинное положение вещей. Доктор был слишком оптимистичен. Алекс знал, что его отец никогда не вернется. Он погиб в результате трагической случайности. Означает ли это, что он принял ситуацию? Нет, он не мог с ней смириться, считая произошедшее несправедливым. И, кроме того, как он мог расслабиться, избежать мучений, охвативших его, когда таинственные кошмары преследовали его и внезапные повороты providения, казалось, закидывали сеть, в которой он был главной добычей, снова и снова возвращая в те же самые мучительные мысли.

– О чем думаешь, Немо? – спросил он свою оранжевую рыбку-попугая. Но та просто смотрела на него из аквариума на письменном столе ничего не выражающими глазами, открывая и закрывая рот. – Ты прав, я слишком волнуюсь. Чего мне точно следует опасаться, так это Романа и его сообщников. Это реальная опасность... очень реальная.

Звонок в дверь не на шутку перепугал его. Он посмотрел на часы. Кто бы это мог быть в такой час?

Верно говорят, что беда никогда не приходит одна. Юный Алекс и представить себе не мог, что его беды придут по почте.

Когда он открыл дверь, на пороге стоял решительный, бандитского вида почтальон, который протянул посылку размером с коробку из-под обуви и с натянутой улыбкой попросил расписаться.

– Это для меня? – спросил Алекс, чувствуя себя немного глупо.

– Ммм... ну... Вы Александр Коста? – ответил молодой человек, не переставая жевать жвачку и глядя на него как на идиота.

– Да, это я, – кивнул он.

– Тогда точно для вас. – Он снова протянул коробку, ожидая, что ее сразу же примут. – Распишитесь за доставку, пожалуйста. У меня не так много времени, – сказал он, лопнув пузырь жвачки так ловко, что та не прилипла к губам.

– Ээээ... Да, конечно.

Алекс сунул коробку под мышку. Его любопытство усилилось после того, как он обнаружил на ней британский почтовый штамп. Он что-то нацарапал на электронном планшете, и почтальон с ворчанием исчез, раздраженный отсутствием чаевых, о которых не подумал Алекс, несведущий в таких вопросах. Вскоре он услышал, как мотоцикл почтальона с грохотом пронесся по улице и затерялся в паутине улиц.

Мальчик попытался вспомнить, когда получал посылку не с Amazon или из магазинов электроники, в которых делала покупки его мать, и пришел к печальному выводу, что даже не может вспомнить, когда в последний раз держал в руках настоящее письмо. Даже счета приходили на *электронную почту*. Как говорил его отец, не большой фанат компьютерных технологий, электронная почта превратила почталыонов в вымирающий вид.

С коробкой под мышкой он пошел в свою комнату и сел за письменный стол, подняв гибкую лампу так, что луч света освещал посылку.

Она была аккуратно завернута в коричневую бумагу. Все углы были заклеены скотчем, будто человек, отправивший ее, специально постарался, чтобы никто, кроме получателя, не смог добраться до ее секретного содержимого.

Почерк, которым были написаны его имя и адрес, казался энергичным, и Алекс, нахмурившись, подумал, что видит в нем знакомые элементы. Рядом с адресом на ряде марок была проколота метка сотрудника Королевской почты. Коробка была не слишком тяжелой, что показалось Алексу, мягко говоря, необычным. Мама заказала посылку на его имя? Алекс, еще более заинтригованный, перевернул ее. Там был только почтовый штемпель, который указывал, что она пришла из Лондона, обратного адреса не было. Кто-то хотел отправить ему посылку, но не хотел раскрывать, откуда именно. Мальчик сгорал от нетерпения посмотреть, что внутри. С большой осторожностью он аккуратно сорвал скотч. В руках оказалась прямоугольная коробка из переработанного жесткого картона без каких-либо надписей на внешней стороне.

На лбу Алекса выступили капельки холодного пота. На первый взгляд ничего особенного, но у мальчика появилось неприятное ощущение, которое, казалось, предвещало, словно злобный оракул, безрадостное будущее.

Сам не понимая причин этого напряжения, Алекс, наконец, открыл посылку.

Несколько раз разочарованно моргнул. Он ожидал чего угодно, но не кучи шариков пенопласта. Пожалуй, это самый неожиданный подарок. После нескольких секунд колебаний он решил, что где-то среди этих синтетических шариков таится что-то более интересное. Он погрузил руки в коробку и, вместе с прилипшими к пальцам кусочками пенопласта, достал два предмета. Один – небольшая деревянная шкатулка, очень простая и строгая, закрытая замысловатой металлической застежкой; другой – сложенный пополам лист бумаги.

За окном ветер раздувал темные тучи, разбивая их эффектными вспышками молний. Алекс поставил деревянную шкатулку на стол и развернул лист. Сердце норовило выскочить из груди. Письмо. Написанное от руки, возможно, ручкой или карандашом. Мальчик осмотрел лицевую и оборотную стороны, удивленно покачал головой и, пожав плечами, начал читать:

«Дорогой племянник,

Хотя даже не знаю, достоин ли я называться твоим дядей. К сожалению, жизнь иногда не оставляет выбора, поэтому она одарила тебя таким дядей, как я. Дядей, которого никогда не было рядом, который был не более чем смутным воспоминанием о дальнем родственнике, о котором ты, я уверен, почти ничего не слышал. Надеюсь, на каком-нибудь семейном празднике кто-нибудь вспомнит бродягу дядю Андреаса. К моему сожалению, я не пользовался большим уважением в собственной семье, хотя среди коллег мое имя связано с большим научным авторитетом. Только этим я и могу похвастаться.

Однако, дорогой племянник, хотя тебе, возможно, будет трудно в это поверить, за последние несколько недель я осознал, что моим самым большим недостатком была гордость. И теперь поздно пытаться что-либо исправить, мне все равно не удастся искупить вину. Но это только вершина айсберга. Мой брат – твой отец – умер, а из-за того, что я был в экспедиции в Ливии, не смог присутствовать на его похоронах. Что может быть хуже? Есть ли что-то хуже, чем не проводить самого дорогого и любимого человека в его последнее путешествие? Тем не менее должен признать, что, если бы мне удалось выбраться из пустыни, мне

бы не хватило сил и смелости встретиться с другими членами семьи. Вполне вероятно, что к тому времени, когда ты будешь читать это письмо, я тоже буду мертв. Даже не знаю, как объяснить причину такого моего страха. Надеюсь, что когда-нибудь ты поймешь, что ни реальность, ни люди не таковы, какими нам кажутся. Понимаю, что если бы я знал, что именно преследует и угрожает нам, я бы никогда не сказал тебе об этом. Раскрытие секретов проклятия обычно не приносит ничего хорошего. Бедный племянник, ты, должно быть, не понимаешь, что решил открыть тебе этот несчастный, сумасшедший, одинокий человек. Даже если бы я знал, что именно нам угрожает, то все равно ни за что не рассказал бы тебе. На твоём месте я бы уже смял этот кусок бумаги и выбросил в мусорное ведро, но если ты дочитал до этого момента, то подожди еще немного.

Наверняка тебе интересно, почему после почти десятилетнего отсутствия я связываюсь с тобой и присылаю этот подарок. Причина крайне проста, хотя и крайне непонятна. В тот единственный раз, когда мне повезло увидеть тебя, ты был совсем мальшом, не больше месяца от роду, но я чувствовал, что однажды наши пути пересекутся.

Я любил твоего отца. На самом деле могу с уверенностью сказать, что он был единственным человеком, которого я когда-либо искренне любил. Я слишком поздно понял, что человек не может в одиночку бороться со всеми невзгодами, которые жизнь расставляет на его пути. И теперь у меня остался только ты, тот розовощекий мальш, а теперь наверняка уже подросток-бунтарь, который пытается разобраться во взрослой жизни.

Что ж, шкатулка, которую ты держишь в руках, значит гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Конечно же, не физически, но содержательно. Я бы охотно рассказал тебе, как я ее нашел и что последовало за этой моей находкой, но, ради моей привязанности к тебе, думаю, что чем меньше ты будешь знать, тем в большей безопасности будешь находиться.

Времени мало. Это мое наследие. Прими его с осознанием того, что это часть мировой истории... или даже больше. Как я уже сказал, меньше знаешь – крепче спишь.

Кстати, не думаю, что твоей матери будет интересно узнать, что ты получил это письмо. Она всегда думала, что я не в себе. Она не ошиблась. Скажи ей, что она хорошая женщина, но ей необходимо осознать, в чем на самом деле истинная суть нашего жалкого существования. Пусть жизнь будет к тебе благосклонна.

Твой дядя Андрес».

Несколько минут Алекс стоял неподвижно, обдумывая это признание, не понимая, что оно значит и какова его цель. Он провел языком по губам, которые внезапно пересохла и потрескались, как ком сухой земли. В комнате стояла такая тишина, что он отчетливо слышал собственное учащенное сердцебиение.

Это наспех нацарапанное письмо придало его еще десять минут назад ничем не примечательному существованию новый импульс. Дядя Андрес? Тот самый знаменитый археолог? Он слышал, как отец иногда говорил о нем, всегда с некоторой меланхолией и грустью. На самом деле, если бы не это письмо, он так бы и думал, что дядя уже давно мертв. Но, видимо, он вполне жив и даже может писать письма с душераздирающими признаниями. Однако это письмо – не просто исповедь, оно упоминало некие тайны и смертельные опасности. Из-за чего он так взволнован? Он в опасности? Жив ли он еще? В письме не было ни номера телефона, ни какой-либо другой подсказки, которая позволила бы Алексу узнать, жив ли его дядя Андрес. Почему после столь длительной добровольной разлуки с семьей он присылает теперь этот загадочный подарок?

Подарок. Деревянную шкатулку. Алекс подошел поближе, чтобы рассмотреть в мельчайших подробностях каждую деталь грубо сделанной и явно очень старой шкатулки. Молния за окном очередной вспышкой расколола небо, за ней последовал раскат грома, который с жад-

ностью и треском разогнал тишину. Черноватые тучи заволокли горизонт, предвещая сильную бурю.

Пальцы мальчика задрожали, когда он коснулся темного рассохшегося куска дерева со злобными колючими зазубринами. Что может быть спрятано внутри? Противоречивые чувства охватили его. Он хотел открыть шкатулку, очень хотел, но боялся ее содержимого. Это напомнило ему слова отца: *«Желание – единственное оружие, способное победить страх».*

– Это хорошо или плохо? – с любопытством спросил Алекс, на что отец ответил глубоким взглядом своих пепельного цвета глаз и застывшей на губах улыбкой.

– Хотел бы я знать ответ, Алекс, но, боюсь, никогда не узнаешь наверняка, пока желание не исполнится. Тогда ты поймешь, стоило ли оно того. Мужество выбора – это то, что делает человека героем или ничтожеством. Не все желания несут благо, со временем ты поймешь. Есть те, кому удалось исполнить все желания, другие, наоборот, стали глубоко печальны из-за того, что получили только одно из множества. Большинство всю жизнь несчастны, потому что не достигли того, к чему стремились их сердца. И речь совсем не о жадности. Несмотря на все трудности, которые встретятся на твоём пути, борись за свои мечты, за свои желания. Нет ничего печальнее, чем прийти к концу жизни, зная, что мог бы сделать больше и получить то, что хотел.

Сейчас он почувствовал, что желание пересиливает страх перед письмом, и, задержав дыхание, поднял крышку шкатулки. Раскат грома, еще более сильный, чем предыдущий, пронёсся по комнате, сотрясая все вокруг. Густые капли начали с силой биться об оконное стекло, словно собирались ворваться в комнату и разделить с ним этот момент.

Алекса охватило острое чувство разочарования. Желание – жизнь, но его достижение – зачастую смерть. Смерть ожиданий, созданных воображением, которое обычно на несколько шагов опережает разум. С Алексом произошло нечто подобное, хотя он и понятия не имел, что его ждет внутри этой старой шкатулки.

Подул сильный ветер, и ветка, сорвавшаяся с соседнего дерева, ударила в окно, цепляясь за внешнюю раму, а через несколько секунд исчезла в водяном вихре.

Алекс нахмурился. Меньше всего он ожидал, что дядя Андреас пришлет ему ожерелье. Для мальчишки это явно плохой подарок. Оно показалось ему немного уродливым, особенно если учесть, что раньше ему не попадались подобные украшения.

На тонкой нити медно-золотого цвета висели кусочки металла неправильной формы, в которые были вставлены части хоть и потертых и тусклых, но, должно быть, драгоценных камней. Больше всего Алексу понравились три хрустальных шара из кварца, которые будто спасали общий вид украшения. Два были одинаковыми и обрамляли третий, более крупный шарик, образуя тело ожерелья. Внутри кто-то умудрился вставить три цветка, по одному в каждый шар, соответствующий размеру его хрустальной сферы. Это были прекрасные цветы с мельчайшими белоснежными лепестками вокруг полированной хрустальной сердцевины. Они напомнили Алексу восхитительные кусочки янтаря, которые он часто видел в Музее естественной истории, капли смолы, внутри которых застыли какие-то мертвые насекомые. Смола сохраняла их для вечности.

Под светом лампы, которую Алекс поставил на стол, кварц искрился голубоватым светом, поразившим мальчика. Возможно, первое впечатление было ошибочным. В конце концов, ожерелье уже казалось не таким ужасным. Напротив, несмотря на некоторые потертости, Алекс заметил, что оно, в целом, хорошо сохранилось. Итак, если этот предмет представлял собой археологическую реликвию, имеющую историческую ценность, – а по-видимому, так и было, – почему дядя решил отправить его посылкой, а не отдать в ближайший музей? Алекс решительно ничего не понимал.

Дождь за окном превратился в плотную завесу воды. Мальчик поморщился от легких покалываний, которые он почувствовал на кончиках пальцев, дотронувшись до ожерелья. «Ты

придумываешь», – подумал он и вздохнул. Оставалось самое сложное: решить, что ему с этим делать? В письме дядя намекнул, что он должен хранить его как сокровище, но у Алекса не сложилось впечатления, что ожерелье имеет какую-то большую ценность, чем та, которую ему дает возраст. Возможно, дядя Андрес все-таки сошел с ума.

В дверь снова постучали.

Может быть, Ян поможет ему решить, как быть с подарком. Он оставил ожерелье в деревянной шкатулке и пошел к входной двери, напевая песенку группы Coldplay, пока спускался по лестнице.

Алекс наверняка изменил бы свое мнение о загадочной драгоценности, если бы задержался и увидел голубоватое свечение лепестков цветов, которые оставались в кристаллах бус, когда их ласкал лучик солнца, пробившийся сквозь пепельные облака, накрывшие город. Но он не дождался, а когда вернулся в комнату с Яном, ожерелье погасло и мирно лежало на столе.

Кварцевые цветы

– Давай еще раз. – Ян сидел на кровати друга и смотрел на него, пытаясь разобраться в каскаде информации, которую Алекс только что на него выплеснул. – Тебе пришла посылка от дяди, о котором ты почти ничего не знал. Считая, что ему угрожает смерть, он отправляет тебе очень старое ожерелье, скорее всего, найденное в ходе археологических раскопок, и просит тебя хранить его как сокровище в знак раскаяния за то, что он очень эгоистично относился к родственникам при жизни. Правильно?

– Нуууу... вроде того, – сказал Алекс. Ян обладал полезной способностью усваивать и кратко излагать самые сложные ситуации в нескольких предложениях.

– Выпей аспирин и ложись спать. Утро вечера мудренее, – очень серьезно сказал он.

– Что ты имеешь в виду? – Алекс не понял своего друга.

– Знаешь, мне это немного напомнило фильм ужасов 80-х с тем парнем в полосатом джемпере...

– Фредди Крюгер?

– Точно! Я уже не знаю, где реальность, а где кошмарный сон.

– Это ты мне говоришь? – Алекс очень расстроился. Отношение друга раздражало его. Ян считает, что он лжет? Ну, если разобраться, его нельзя винить. Алекс и сам бы усомнился в таком объяснении, если бы оказался в подобной ситуации.

Ян вскочил с кровати и подошел к столу, где лежало письмо и шкатулка с ожерельем.

– Можно посмотреть? – спросил он необычно застенчиво. Алекс кивнул. Лицо Яна, худощавое, скуластое, с немного кривым носом и тонкими губами, озарилось необычным светом. – Красивая штукавина.

Цветы внутри хрустального шара привлекли его внимание и показались очень знакомыми.

– Сначала мне так не показалась, но теперь, когда ты сказал...

– Это нарциссы.

– Что? – Алекс подался вперед в кресле.

– Цветы в бусах. Это нарциссы. Любимые цветы моей мамы. Она любит сорт «Вудленд Стар». У них оранжево-желтая сердцевина, а вокруг белоснежные лепестки, – задумчиво нахмурился он. – Они очень маленькие. Это карликовый вид. Похожи на «Сэтин пинк», только у тех сердцевина абрикосового цвета.

– Я и не знал, что ты увлекаешься ботаникой.

На самом деле Алекс не представлял, что его друг может интересоваться чем-то, что нравится его матери, учитывая ее проблемы. Она уже несколько месяцев лечилась от алкогольной зависимости. И, судя по поведению членов его семьи, реабилитация шла успешно.

– Ты меня удивляешь, – искренне сказал он.

– А, пустяки. – Семя гордости проросло в Яне и теплой волной поднялось к его лицу, нахмурился щеки. – Никогда нельзя знать человека полностью, – подмигнул он. – Я не совсем понимаю, как, черт возьми, цветы попали внутрь? Как будто стекло проглотило их.

– Да, здесь абсолютно все кажется мне очень странным. А что насчет письма?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.